

Гюль Рам

СБЕЖАТЬ ОТ ПИТБУЛЯ
и Булочки

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА

Янка Рам

Сбежать от Питбуля и Булочки

<https://litres.ru/74214178>

Аннотация

- А почему Вас Питбулем называют? - с опаской кошусь на моего "рабовладельца". - Боли не чувствую. - Ясно... - отворачиваюсь к окну, кутаясь в свою тоненькую шубку. От холода и страха трясёт. На лобовом стекле пропуск "старший оперуполномоченный Касьянов Б. М.". Закрывая глаза, ложусь головой на стекло. - Чего трясешься? - недовольно. - Замёрзла? - Страшно. - Страшно, девушка, вот там на обочине стоять и в окна подъезжающих тачек цену озвучивать! Юная же совсем... - Это неправда! Он всё наврал! - Ну да, - с досадой. - Отпустите, пожалуйста. - А смысл? Не-е-ет... Поработаешь пока в другой ипостаси. Может, одумаешься. - Кем? - Снегуркой

Содержание

Пролог	4
Глава 1 - Питбуль и Снегурка	15
Глава 2 - Наша	28
Глава 3 - Побег	49
Глава 4 - Порка	70
Глава 5 - Принцесса и людоед	84
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Пролог

Интересно, ненавидит ли кто-нибудь декабрь так, как ненавижу его я?

И дело не только в непроглядной тьме отчётов и скачку происшествий перед праздниками. Дело в том, что у меня дочка. А дочка хочет на новый год маму. А мамы нет... И не будет.

Держа на руках, несу Аришу к машине. Её пальчики, нырнув под запахнутую куртку привычно скребут по моим звёздам на погоне.

- Папа, новый год сколо?

- Сколо-сколо... - хмурясь, передразниваю я её.

- Мамочку Дед Мороз пливедёт! - картавя, старательно выговаривает она.

Откуда в её голове эта идея? Кто вложил? Покажите, я ему шею сломаю.

- Может, щенка ещё одного лучше?

- Неть.

- "Неть"... - ворчу расстроено.

Где я ей возьму? Баб полно, "мам" нет. Перевелись! Ни одну подпустить не могу. Боюсь, дочка привяжется, а у нас не срастётся. Я нихрена не подарок. Даже родная её мать и та сбежала. В декабре, перед новым годом. Пришлось доч-

ке врать, что её Дед Мороз ангажировал. Крошечная совсем была, а запомнила...

- Яблоко лучше ешь, - достаю из кармана, отдаю ей.

С хрустом аппетитно грызёт. Так, что слюна выделяется даже у меня. Любит яблоки... Вжимает его мне в губы. Послушно откусываю кусок.

- Касьянов! - рывкает начальник в спину.

Не успел свалить. Оборачиваюсь.

- Да, товарищ полковник.

Морщась, хромает в мою сторону. На лбу испарина. Недовольно смотрит на Аришу.

- Я тебе что сказал в дело Сидоренко писать? Ты что - тупой, Касьянов?

- Фальсифицировать не буду, товарищ полковник, написал, как есть. Видео со следственного эксперимента приложено.

- Не фальсифицировать! А помочь следствию, - внушающе цедит он.

- Чем мог, помог, - сжимаю челюсти.

- Хреново работаешь! - начинает мне выговаривать всякую дичь.

Медленно и глубоко дышу носом, веки тяжелеют, адреналин разгоняет по венам кровь. Представляю, как сношу ему челюсть. С начальством у меня не очень. У меня со всеми не очень.

Полкан орёт. Дочка гневно сводит брови, переставая же-

вать яблоко.

- Ты зачем ребёнка опять на работу притащил?!

- Не надо орать! - не сдерживаюсь я.

Садик наш уже закрыли перед Новым Годом, к сожалению.

- Убери её!

Неожиданно Ариша размахивается и засандаливает ему яблоком под глаз. Оно падает, оставляя на коже ошмётки и сок.

- Не надо орать! - повторяет мою гневную интонацию.

Полкан, открыв рот, шокированно застывает. Ну всё, трындец мне...

Дочь то уверенна, что я практически бог. И любому безнаказанно навтыкаю.

Полкан, наливаясь кровью, молча стирает платком с лица яблочное пюре.

- Касьянов... - с угрозой.

- Извините, - выдавливаю из себя я.

- Выговор!

Да иди нахрен!

Глажу по спине настороженную дочку.

- И чтобы её больше не было.

- Побей его! - шепчет кровожадно на ушко Ариша. - Он плохой.

Резко развернувшись, полкан хромотаю обратно к крыльцу. Останавливается, разворачивается.

- Дело Сидоренко я забираю. У тебя теперь другое дело, не уловишь идею, я сорву твои погоны. Поезжай в участок. Принимай клиента.

Вздыхаю.

Выходной отменяется. И еще нам срочно нужна няня!

Перед тем, как ехать в участок за "клиентом", заезжаю домой, чтобы покормить Аришу. Тачку парковую возле ворот.

- Привет, мент.

- Здорово, бандит.

Пожимаю руку соседу. Мы из разных лагерей, но... он давно в "отставке". Герман. Числится, как ни разу не пойманный "механик". Общаемся. Настороженно и аккуратно.

- Какие планы на вечер, Богдан? В шахматишки не хочешь партию?

- Не хочет! - высовывает свой нос Ариша. - Мы ёлку будем наляжать. Для мамы.

- Ёлка это святое!

Сосед бросает на меня пытливый взгляд.

"Мамы?" - читаю у него вопрос по губам.

Отрицательно качаю головой.

- Держи-ка, - присаживаясь перед ней, протягивает шоколадку.

- Пасибочки! - заграбастывает Ариша и идёт во двор к повизгивающим от предвкушения псам.

- Чего мать-то? Не звонит?

- Звонит... - поигрываю желваками. - Раз в пару месяцев.

- Чего говорит?

- Не знаю. Я не отвечаю на вызовы.

- Ну чего ты так, Дан? Вдруг, одумалась.

- Одумалась бы - приехала.

- Боится тебя, может.

- Эта мадам даже Бога не боится! Да и что меня бояться?

Я её пальцем не трогал.

- Любишь до сих пор?

- Фу... - морщусь я. - Я теперь, Гера, вообще не понимаю, что это такое - женщину любить. Лживые создания... малодушные, эгоистичные и подленькие. Знаешь, сколько я их по работе посмотрелся с изнанки. Тошнит.

- Ты весь род-то на свой «служебный» контингент не ровняй.

- Нда? А чего ж ты сам-то не женат?

- Так нам не положено... - улыбается.

- Вот и мне не положено.

За забором писк, хохот, радостный лай собак. Герман качает головой, заглядывая в дверь.

- Как тебе не страшно? - смотрит на возню Арины с псами.

- Покусают с дуру.

Две уже огромные махины кане-корсо валяют дочку на снегу. И тыкаются носами в лицо.

Годовалые... Год назад взял, чтобы внимание от уехавшей матери отвлечь.

- Чего они ей сделают-то? Они ж не люди. Да и с ней в

кровати выросли.

Спала она с ними долго. Но зрелище не для слабонервных, надо сказать. Громко свистнув, кричу им:

- Фу! Ко мне! Ладно, давай, Гер, мне ещё на работу.

Пока открываю дверь в дом, замечаю краем глаза, как Ариша кормит втихаря, наглые морды шоколадом.

- Арина! - строго. - Нельзя им.

- Всё вкусное - нельзя! - пыхтит недовольно. - Только капусты твои зя... и тыквы.

- Овощи надо есть.

Стащив с неё мокрый от снега комбинезон, увожу на кухню. Забираю шоколад.

- Это моё! - возмущается.

- Покушаешь, отдам. Омлет? - быстро оглядываю полупустой холодильник. - Или молоко с шариками?

- Это! - шлёпает она по кастрюле со вчерашними макаронами.

- Опять?

- Да!

- Давай, омлет?

- Не буду! Не буду! - упрямо.

Смотрю на часы. Опаздываю. А она сейчас сядет недовольным нахохлившимся воробьем над чашкой и попробуй впихнуть. Сдаваясь, разогреваю ей рожки. Ариша густо заливает их сгущёнкой, шоколадным топингом и, довольно жмурясь, ест.

Не уверен, что детям можно столько сладкого. Не очень-то я справляюсь.

Остатки рожек заливаю себе яйцом. И присаживаюсь напротив.

- Сейчас придёт тётя Катя прибрать в доме. Я включу тебе мультики, и ты тихонечко посидишь, пока я приеду, ладно?

- Не хочу. Хочу ёлочку наряжать, ты обещал! - пищит требовательно.

- Приеду и будем наряжать.

- Неть!

Поправляет волосы, пачкая волосы сгущёнкой. О, ужас! Потом попробуй расчесать. Ору будет... Быстро вытираю влажной салфеткой, откидывая её светлую, чуть рыжеватую копну назад. Косы я плести не умею, а постричь волосы она не даёт: "У мамы длинные". Запомнилось ей так.

- Давай, я тебе игрушки достану, и ты начнёшь без меня?

- Да-да-да!

Вытаскиваю коробку с пластиковыми игрушками. Прячу повыше гирлянды.

- Мамочке понлавится? - вешает на ёлку игрушку.

Ухожу от ответа, делая вид, что переписываюсь по телефону.

Приближается сокрушительный звездеч. Что я ей скажу в новогоднюю ночь?

- Ариш, дед Мороз может к нам отправить и другую Снегурочку. Если мама, - это слово у меня всегда с пренебреже-

нием выходит, - будет очень занята.

- А ты скажи ему - чтобы не занята, - поднимает на меня наивные синие глаза.

Поглядываю на часы, помощница по дому задерживается. А мне её ещё уговаривать с дочкой посидеть!

- А как маму мою зовут? - неожиданно спрашивает дочка.

- Мамой...

Зовут её маму Мариной. Но зачем ей эта информация?

- А что если она нам просто позвонит, Ариш? На новый год.

- Это нечестно! - бросает игрушки. - Я хавошей была, я хочу подалок! Маму.

- Я тебе какой хочешь подарю, - присаживаюсь перед ней, - но этот не могу обещать. Не в моей власти.

Бросает игрушки, отворачивается. У меня болезненно горит в груди от этого. Но как-то же надо её подготовить к тому, что мамы не будет.

Я против насилия над женщинами. Но иногда... Хочется втащить, надо признать. Вот за такое вот.

- Где же тётя Катя? - выглядываю в окно.

Набираю сам. Телефон недоступен. Приплыли... Дальше ждать возможности нет. Что вот мне делать?!

- Одевайся, Ариш.

- А ёлка?

- Позже.

Прихватив дорогую кожаную сумочку, оставшуюся, в на-

следство от матери, дочь послушно собирается.

Уже в темноте подъезжаю к дежурке. Через дорогу мой УВД.

- Я тут поиграю? - с любопытством смотрит дочь на старый манекен в фуражке, сидящий на месте дежурного.

- Давай, - оставляю её за стойкой с манекеном.

Прохожу дальше.

- Вечер добрый... - оглядываю дежурку.

- Здорово, Касьянов. Вот держи... - протягивает мне бумаги пожилой прапор.

Опускаю глаза на бумаги. Читаю кусок из середины.

- "Воткнула в ногу полковнику полиции вилку"? Нашему полкану, что ли? - поднимаю взгляд.

Вспоминаю, что хромал.

- Ему.

- Отчаянная, - хмыкаю я.

- На словах сказал: с трассы девка. Но афишировать запретил. Женат... По официальной версии - нанял её как помощницу по хозяйству.

- Так и было! - доносится сзади обиженный женский вздох.

- Не пищи там! - недовольно фыркает прапор.

- И что он за вилку эту несчастную посадить эту девку решил? - понижаю я голос. - Не в глаз же воткнула.

- Так обокрала, напала... Ты читай, читай...

- Бред какой-то, - недовольно вздыхаю я, читая дальше. -

Где эта Лара Крофт?

Разворачиваюсь на обезьянник.

- Господи... - с досадой вздыхаю я.

Там пигалица в розовой шубке. Пальчики, коленочки...
Как ее на панель то занесло, дуру такую?

Поднимает на меня заплаканные огромные глаза. Вздрагиваю. На жену мою бывшую образ похож. Шубка эта розовая, цвет волос, миловидность. Только Марина старше. И взгляд у неё другой совсем.

Зависнув, смотрю на девчонку.

- Товарищ капитан, я вандала поймал, - ведёт за руку лётёха покрасневшуюся Аришу.

- Не понял.

- Дочка твоя красным лаком манекену ногти покрасила и лицо! Чего делать то? Он теперь с улицы не на мента похож, а на индейца.

- Мать твою... - изображаю фейспалм. - Арина!

Но Арина уже ничего не слышит. Из её пальчиков вываливается сумочка, она, застыв как суслик, смотрит распахнутыми глазами на эту "розовую" девку за решёткой. И до меня доходит, что образ у неё тоже совпал. Но в отличии от меня она была слишком маленькой, чтобы увидеть сейчас разницу с оригиналом. Ещё и в сумерках обезьянника.

Звездец случился раньше и немного другого плана.

Подхватываю её на руки и быстро несу на улицу.

Хоть бы пронесло! Хоть бы пронесло! Молюсь тихо.

Ставлю её на снег. Она неожиданно срывается в сторону крыльца. Ловлю.

- Нет!

- Там мама была! Мама! - начинает рыдать она и драться.
- Мама была! Пусти!

Ааа!!!

Жесть!

Не пронесло...

Глава 1 - Питбуль и Снегурка

Ася

В полицию я попала первый раз. Ужасное место... Не то, чтобы я ожидала, что здесь хорошо. Для меня это в принципе неожиданно.

Ничего не соображая, грею руки на горячей трубе, идущей вверх от крошечной батареи. Левая, половина лица ноет, губа щиплет. Голова кружится.

В камере от лавочки пахнет отвратительно, и я боюсь присесть. Или это ещё не камера? Обезьянник, кажется. Он отгорожен только стальной решёткой. Расфокусированным взглядом слежу за мужчинами.

Я здесь, а они там совершенно спокойно пьют чай, шутят, кидают друг другу мандарины, и один даже развешивает новогодний календарь на стене на следующий год. Праздник у них... На меня никто не обращает внимания.

Сердце колотится, в животе тугой ком.

Что со мной будет? Заступить некому. Даже искать сразу никто не станет.

Один из них бросает на меня, взгляд.

- Куда девку-то эту девать?

Не дыша прислушиваюсь к разговору.

- Заявление есть? Есть. Значит, в СИЗО.

- Умный что ли сильно, Петренко? В СИЗО дорогу зава-
лило лавиной. Не проехать, не пройти. Снегопад пятый день.
Там аварийка с обеда гребёт. Работы не на один день.

- Питбуль от Лобова по её душу приехать должен. Пока-
зания взять. Вот пусть и решает, что с ней делать. Мы дол-
го держать не можем. Не голодом же её морить? Там сейчас
битком камера набьется «обильно празднующими».

- Я б вообще ей премию дал, - понижает голос один из них.

- Да уж... Полкан Тихонов, хоть и зверь был, но хотя бы
честный. А Лобов тварь ещё та. Подставит, глазом не морг-
нёт.

- Питбуль то её по-любому засадит, ему только след дай!
Любого раскатает. А эту овечку... Пф!

- Вы особо-то не базарьте, - одергивает их пожилой. - Осо-
бенно при Питбуле. Лобова ж человек. Да и вообще, давай-
те, в патруль. Нечего прохлаждаться.

На каблуках стоять уже болят ноги. Вырядилась, дурочка.
Думала, после работы в кино схожу. Там сказка новогодняя...
А Лобов этот... Сволочь!

Закутавшись в шубку, по стене сползаю вниз, садясь на
корточки. Колготки на одной коленке порваны. Вниз и вверх
идут крупные стрелки.

Питбуль...

Человек Лобова.

Из глаз капают опять слезы. Тушь щиплет глаза. Закры-
ваю их. Спать хочется. Но ещё больше хочется домой!

За что?! Несправедливо это. Я же защищалась. Никто мою версию слышать не хочет. Злые, равнодушные...

- Вечер добрый, - слышу мужской голос.

От него моё сердечко подскакивает и переворачивается.

- Здорово, Касьянов. Вот держи...

- "Воткнула в ногу полковнику полиции вилку"? Нашему полкану, что ли? - спрашивает этот голос.

- Ему, - хмыкает пожилой.

- Отчаянная!

- На словах сказал, с трассы девка. Но афишировать запретил. Женат же... По официальной версии - нанял её как помощницу по хозяйству для жены.

- Так и было! - не выдерживая вздыхаю я.

- Не пищи там! - недовольно одергивает меня пожилой.

Тоже мне - стражи правопорядка! Бандиты в погонах...

Шепчутся там что-то.

Выглядываю, держась за решётку руками. Тот самый спиной стоит. Плечи широкие. Ноги агрессивно расставлены, словно в стойке стоит и сейчас двинет кому-нибудь.

Это Питбуль? Про него они говорили?

С Лобовым хороший человек работать не станет. Значит, подонок тоже. А голос приятный у него. Бывает же...

- Бред какой-то, - шелестит он листьями.

Лобов старался, целое сочинение написал про мои «подвижки»! Обещал, что по всем статьям меня утопит.

- Где эта Лара Крофт?

Разворачивается этот... Касьянов, кажется.

- Господи... - с отвращением смотрит на меня.

А за что?? Молодой, красивый, а такой злой.

Мы встречаемся взглядами. Отвращение на его лице становится выразительнее. Морщась, поджимает губы. Словно я ему лично что-то плохое сделала.

Мамочка...

Рвано всхлипываю.

- Товарищ капитан, я вандала поймал, - проводят мимо меня девочку.

- Не понял, - переводит на неё взгляд Касьянов.

- Дочка твоя лаком манекену ногти покрасила и лицо! Чего делать то? Он теперь с улицы не на мента похож, а на индейца.

Дочка его? Хорошенькая. Щёчки пухлые, глазки большие. Сладкая булочка.

- Мать твою... Арина! - рявкает он.

И сердце моё обрывается, падая в пятки. Девочка замирает, не моргая смотрит мне в глаза. Белая сумочка с логотипом Шанель летит на пол. Из неё высыпаются всякие женские штучки. Пухлые губешки дрожат.

Дурак какой! Напугал девочку. Возмущаюсь, поднимая на него рассерженный взгляд.

Жалко им манекена! Подумаешь...

Резко и грубовато подхватывая её на руки, уносит куда-то. И обо мне снова всё забывают.

А я беспокоюсь за булочку. Разве можно так с маленькой? До чего же неприятный человек! И хоть бы кто заступился. А за меня тем более не заступятся. Кошмар какой...

Маюсь в этой клетке ещё пару часов. И уже готова рыдать от усталости. Желудок урчит. Хочется в туалет. Поглядываю на отвратительную лавку с потеками. Пол ещё грязнее... неужели придется на неё сесть.

Слышу снова тяжёлые шаги.

- Короче, я её забираю. Давай, распишусь, - голос Питбуля.

- А куда, если не секрет? - уточняет пожилой.

- Тебе какое дело? Твоё дело - мне её сдать. Дальше – моё дело.

- Да так, спросил... - равнодушно.

Дверь в обезьянник открывают.

- Прибрались бы тут что ли! – фыркает он.

- За каждым не приберешься. Уборщица завтра придет, помоем.

- Выходи, руки вперёд, - командует мне Касьянов.

- Зачем руки? - мнусь я испуганно.

- Исполня-я-ять! – вальяжно.

Протягиваю их вперёд. Он щёлкает на запястье наручником. Вскрикиваю от неожиданности, вжимая голову в плечи. Поднимает на меня пытливый взгляд.

- Со мной поедешь.

- Мне в туалет нужно, - умоляюще шепчу я.

Доводит меня до туалета.

- Как зовут?

- Ася...

- Выкинешь что-нибудь, Ася... - свирепо.

Предупреждающе качает головой.

- Мало не покажется.

Поднимает моё лицо за подбородок пальцами. Смотрит недовольно на разбитую губу.

- Ладно, иди, - отпускает в туалет.

Здесь тоже везде решётки.

А ты бежать собралась, Агния?

А что мне теперь в тюрьму сесть?!

Я не хочу с ним уезжать! Я его очень боюсь. Но меня никто не спрашивает.

Ведёт меня по улице в машину. Холодно.

- Шапки нет?

- У Лобова осталась, - вздыхаю я.

Усаживает на первое сиденье, включает обогреватель. Наручники пристегивает к дверной ручке.

- Без глупостей, ясно? - смотрит в лобовое. - Будешь делать всё, что скажу. Ты пока у меня в рабстве.

- А почему Вас Питбулем называют? - с опаской кошусь на моего "рабовладельца".

Куртка сползла с плеча, там погоны. Я не разбираюсь в званиях, к сожалению.

- Кто называет?

- Все...

- У "всех" бы и спросила, - грубовато отшивает меня.

- Ясно... - отворачиваюсь к окну, кутаясь в свою тоненькую шубку. От холода и страха трясёт.

На лобовом стекле пропуск "старший оперуполномоченный Касьянов Б. М."

Закрывая глаза ложусь головой на стекло.

- Чего трясешься? - недовольно. - Замёрзла?

- Страшно.

- Страшно, девушка, вот там на обочине стоять и в окна подъезжающих тачек цену озвучивать! Юная же совсем... - с осуждением.

- Это неправда! Он всё наврал! - с отчаянием шепчу я.

- Ну да, - с досадой.

Не верит. Никто не верит. Да никто и не спросил ни разу, что на самом деле случилось, вот что страшно.

- Отпустите, пожалуйста.

- А смысл? Не-е-ет... Поработаешь пока в другой ипостаси. Может, подумаешься.

- Кем?

- Снегуркой.

Богдан

Искоса поглядываю на девчонку. Даже жаль её немного. Хотя на дух не выношу всю эту продажную шушеру.

Мордашка-то нежная, хорошенькая... Макияжа нет, толь-

ко ресницы подкрашены. Тушь размазана. Сначала за убойный смоки-айс принял. Но сейчас вижу, просто плакала, глаза потерла.

Не похожа на бабочку. Но сейчас не любят ярких, естественных любят. И их немало. С инсты начинают, потом на эскорт переходят.

- Родители твои где?

- Нет родителей, - обиженно.

- Ясно, - вздыхаю я. – Сирота, что ли?

- Нет. Мама уехала. С бабушкой я жила.

- А работать пойти - не судьба?

- Я и пошла!

Хреновая работа то...

- Восемнадцать есть?

- Есть.

А вообще не похожа она на уличную. Такие нимфетные юные неженки это "элитка".

Переворачиваю её руку ладонью вверх, рассматриваю. Руки ухоженные. На пальцах и ногтях нет следов от никотина. Колечки золотые тоненькие как паутинки и все на одном пальчике, не пошлые.

- Не куришь?

- Нет.

Уличные курят все.

Открываю бардачок, достаю подаренный коньяк. Скручиваю крышку.

- Глоток хочешь согреться?

- Нет! - обескураженно смотрит на меня, как на полоумного.

Как Ариша бы смотрела, предложи я ей приобщиться к чему-то горькому. Так не бывает...

Приврал Лобов, что на панели снял. Элитная девочка, чистенькая вся. И история там какая-то другая.

Во мне просыпается ищейка. У меня девиация - я спать не могу, когда у меня дебет с кредитом не сходятся.

- Посмотри-ка на меня.

Поворачивается, волосы падают, закрывая половину лица.

- Убери волосы с лица.

Дёргает руками, наручники брякают. Цепь до лица дотянуться не даёт.

- Ладно, я сам.

Отвожу прядь темно-русых волос за ухо. Блестящие, чистые... Свои, не крашенные. Уши не проколоты.

И ловлю себя на порыве пройти пальцами по этой нежной молочной коже. И неожиданно возникшем чувстве трепета. Ой, фу... Это точно не сюда. Чего это меня понесло? Это все из-за отсутствия женщины. Нет, женщины бывают... Но женщины нет. Такой, чтобы хотелось погладить, поцеловать.

Отворачиваю ворот шубки, там водолазка с высоким горлом. Бусики из сандала. Стильные, но не дорогие.

- Не трогайте, - хмурится.

Одергиваю руку. Поднимаю телефон, делаю фотку.

- Зачем? - опасливо.

- Дяденькам тебя покажу, - морщусь я.

- Каким дяденькам?! - теряет она голос, тяжело сглатывая.

- Знакомым.

Скидываю ментам из района, которые работают с этим контингентом каждый день. Они их всех в лицо знают.

"Ваша звезда?"

- Руки больно, - всхлипывает она. - Можно я митенки на запястья натяну?

Митенки... Слова-то какие из этого ротика выходят – мягкие, теплые, невинные. Эх! Но её тонкие запястья и правда жалко.

- Не дергай руками и браслеты затягиваться не будут. Я бы тоже предпочел мягкие, - шучу я. - Но сегодня у нас день садо-мазо.

Открываю наручники. Выдернув руки, растирает запястья. Натягивает медленно свои белые митенки на кисти, гневно глядя на меня исподлобья.

- Не испепеляемый я. Можешь не стараться. Давай обратно, - взмахиваю наручниками.

Телефон мой пиликает, перевожу взгляд на экран.

"Нет, не наша".

Неожиданно девчонка дёргает ручку двери и выскакивает из машины.

- Эй!

Я даже теряюсь от такой наглости в первое мгновение. Во второе - от бессмысленности. Ну куда она денется-то?! Деться - не денется, но кровь мне за неё Лобов попортит, пока я её назад верну. А ещё я дочке обещал...

Розовая шубка ныряет за угол дома.

Ах ты ж, зараза! Бегай ещё за тобой!

Но сам виноват. Надо было заблокировать двери.

Выскакиваю, срываясь за ней. Метров через двести только догоняю, но вскрикнув, она дёргается в сторону. Качусь по инерции по накатанному льду на асфальте мимо неё.

- Стой!

В конце взмахиваю руками, спрыгивая на снег. Девчонки уже не видно за поворотом. Догоняю её только на площади. Опережаю очередной юркий манёвр в сторону и заваливаю в сугроб.

- Прибью! - тяжело дышу я, встряхивая слегка за грудки её розовой шубки и впечатываю снова в сугроб спиной.

Зажмуриваясь, лупит по мне ладонями и кулаками.

- Не маши. Бесполезно, - отмахиваюсь от её рук. - Я всё равно боли не чувствую. Только руки отобьёшь.

Не чувствую, к сожалению. И никакое лечение не помогает. Вернее, все местные врачи расписались в беспомощности. А в Москву мне не с руки пилить. Дочку не на кого оставить.

- Не поеду я никуда! - рыдает девчонка. - И не буду я ни-

какой снегуркой вашим "дядькам", - с отвращением.

Присаживаюсь на колени, поднимая её за грудки из сугроба.

- О-о-о... Ты чего дура-то такая? Для дочки нужна мне снегурка! Причём тут дядьки? Сыграешь роль. Поешь. Согреешься. Всё лучше, чем голодной в обезьяннике сидеть со сбродом всяким грязным. Глупая...

- Ну, а чего Вы со своими дядьками пугаете?! - рвано всхлипывает она.

По щекам течёт тушь.

- Я сутенёр тебе, что ли? Ментам отослал фотку на опознание.

- Откуда я знаю - кто Вы?!

- Старший уполномоченный Касьянов я.

Поднимаю её на ноги, пристегиваю к себе наручниками. Не удержавшись, отряхиваю с неё снег перчатками. Растает в машине, мокрая будет вся, замерзнет еще сильнее.

- Все вы там бандиты. Не защищаете, только обижаете! - трясутся, от холода её губы.

- Поедешь или нет, короче?? - психую я.

- Нет! - рывкает мне в лицо.

От неожиданности отстраняюсь.

Вот же вредное племя! Зачем я у неё спросил, вообще? Я же Арише не объясню теперь...

Тащу её за цепь на наручнике опять в машину.

- Позорите меня перед людьми своим наручником!

- Учиться надо было, и работу нормальную искать, никто бы не позорил.

- Не берут меня на нормальную без опыта, какую смогла, такую нашла! - огрызается.

Запихиваю в машину, перестегивая наручник к дверце. Сажусь за руль.

Как её уговаривать?... Из вредности же теперь не подпишется. Прессовать только. Противно это. Не моё.

- Как тебя там... Ася. СИЗО аварийно закрыто. Мне надо у тебя показания взять. Поехали...

- Только троньте меня! Я Вам тоже вилку воткну. Куда-нибудь, где точно почувствуете! - стреляет взглядом мне в пах.

- Ты недавно что ли работаешь, не пойму? Пугливая такая...

- А Вы, наверное, тоже недавно, раз до сих пор не понимаете? - ядовито.

- Кляп к моим наручникам не прилагается. Но будешь много выступать, я для тебя отыщу.

Обиженно отворачивается к окну.

Веду машину к дому.

Короче, версия будет такая - вне резиденции Деда Мороза Снегурка теряет память. Потому странненькая, дочь не узнаёт и, к тому же, требуется быстро вернуть назад! А там уже "вспомнит" и письмо нам напишет. Психолога найму, пусть Арише письма от мамы пишет. Что теперь делать?

Глава 2 - Наша

Ася

Машина останавливается у высоких стальных ворот. Одновременно с ещё одной - большим дорогим джипом. Питбуль выводит меня, снова перестегивая наручник к себе.

- Ого! - посмеивается мужчина из Джипа. - А говорил - ёлку наряжать.

- Планы экстренно поменялись. Кстати, Гера, девочка, случаем, не знакомая? Ты же у нас дорогой эскорт пользуешься, - как ни в чем не бывало.

- Сволочь... - тихо шепчу я.

Лицо горит от стыда. Со злостью дёргаю наручниками. Этот Гера с удивлением смотрит мне в лицо.

- Нет. Первый раз вижу. Но с удовольствием бы познакомился. Отдай? - весело.

Что я щенок им - отдай! С возмущением бросаю взгляд на Касьянова. Обещал же - для дочки.

- Нет, не могу, - качает головой тот.

- Чего заплаканная-то девочка у тебя? Обижаешь? - недовольно.

- Да сами они себя обижают. А я свою работу делаю, - фыркает недовольно Питбуль.

- Ты правда - эскортница? - с сомнением смотрит мне в

лицо Гера.

- Нет! - вздергиваю подбородок.

- Все вы так говорите, - недовольно бурчит Питбуль.

- Не обижай, Дан. Не оттуда девочка.

- Уверен?

- Только если совсем новё. Я бы мимо такой не прошёл,

- ухмылка.

И этот - сволочь! - решаю я про себя.

Вытаскивает пухлый портмоне и телефон.

- Как тебя зовут?

- Какая Вам разница? - делаю шаг назад, наручники натягиваются.

- Номер оставь, - смотрит мне властно в глаза Гера. - Я позвоню тебе.

- З-зачем это? - трясутся от холода мои губы. - Нет.

Гера переводит взгляд на Питбуля.

- Так не бывает...

- Вот и я думаю, - хмурится тот.

- Замёрзла, - кивает на меня Гера.

- А... Да! Пойдём, - тянет за наручники Касьянов.

Во дворе с лаем навстречу нам срываются два огромных пса. Мышцы перекатываются под чёрной короткой шерстью, пасти оскалены. От волны адреналина в глазах темнеет, и ноги становятся мягкими. Зажмуриваюсь, вжимая голову в плечи.

- Алтай! Фу! Кора! - рывкает он на них негромко.

Собаки тормозят, слегка толкают нас мордами в ноги. Горячее дыхание опалает мои колени. Взвизгиваю!

- "Гость"! - отдаёт команду. - Нельзя. Да не лижи ты её! - отталкивает одну из свирепых морд.

Протаскивает мимо собак на веранду.

- Одна не выходи, загрызут.

И как от него тогда сбежать? С унынием смотрю в окно на псов. Отстегивает наручник.

- Зайдешь, умоешься, поужинаем. Веди себя спокойно. Там дочка моя... Ей показалось, что ты её мать, - морщится с отвращением.

- А где её мать?

- Нет у неё матери... - смотрит тоже в окно, поджимая губы.

- Умерла?!

- Живая.

- А почему тогда нет?!

- Твоя живая?

- Живая... - вздыхаю грустно.

- Но её же нет?

- Денег немного высылают, - признаюсь я.

Мы молча смотрим как собаки кувыркаются в сугробах.

- Можешь особенно ничего не говорить, не делать. Просто посиди. Я всё сам буду говорить. Поужинаешь с нами, ёлку нарядишь. Потом дочь ляжет спать. Миссия твоя будет закончена. Тогда и поработаем, показания запишем.

Проходим в дом.

- Ванная, - открывает мне дверь. - Там - кухня. Умоешься, туда проходи.

Пальцы подрагивают. Нервно кусает губы. Сказать ему, что идея у него дурацкая – привезти в дом на ужин девушку, похожую на маму девочки? Всё равно же не послушает.

Уходит вглубь дома.

Втягиваю носом запахи. Обычно, по тому как внутри пахнет, можно сразу же почувствовать какие там живут люди – приятные или неприятные.

Пахнет мужским парфюмом, шоколадом, ёлкой, мандаринами и немного так, как пахнет в детском саду - молоком, теплом, детскими утренниками. Приятно пахнет.

На полке под вешалкой - детские варежки. Ниже - ботиночки.

Это Булочки варешки, наверное. Там же - её белая сумочка Шанель. Я о такой только мечтать могу. Дорогушая...

Снимаю шубку, разубаюсь. С мылом умываю лицо. Губа щиплет, челюсть с той стороны, с которой Любов залепил мне пощечину – ноет. И такое ощущение после того, как отогрела лицо горячей водой, что его перекосило.

Одергиваю юбку, выхожу. Неожиданно сталкиваюсь с пожилой женщиной.

- Я пойду, Богдан...

Удивлённо оглядывает меня с ног до головы.

- Здравствуйте, - смущаюсь я.

В порванных колготках очень неловко.

- Здравствуйте!

- Спасибо, тёть Кать, - выходит к нам Касьянов. - Идите, конечно.

- Там, Арина рожки велела отварить, в кастрюле... - не отводя от меня глаз, отчитывается она ему.

Питбуль стреляет мне взглядом на кухню. Юркнув в арку, присаживаюсь за стол.

Чисто... Кухня большая! Низ двери холодильника густо усыпан магнитиками.

На столе - вазочка с карамельками «Клубника со сливками». Мои любимые. Вторая вазочка - с пряниками. В розетке - сгущённое молоко. Ещё пара каких-то баночек.

Есть хочется до тошноты и головокружения. Но взять не могу. Мне же не предлагали.

Смотрю в окно, как Касьянов провожает эту тётю Катю до ворот. Собаки как свита идут позади.

Богдан, значит. Имя-то какое хорошее. Чего ж такой он грубый, а?

Возвращается...

Сердце моё начинается ускоренно биться. Ну при дочке же не будет он ничего плохого делать, правда? Сказал - поешь, согреешься...

Лобов тоже много чего говорил. В итоге и жены не постеснялся!

Входная дверь хлопает.

- Мама? - неожиданно раздаётся за спиной.

Вздрагнув, разворачиваюсь.

Булочка в нарядном синем платье и босиком. На шее - много бусиков. На взлохмаченных волосах несколько заколочек.

Растерянню стою и тереблю пальцами свои сандаловые бусы.

Что мне говорить?! Разве я могу сказать, что я мама?? Так нельзя, ведь. Что с ней завтра будет, когда Питбуль меня увезёт? Я бы с ума сошла от горя.

- Ариш, - присаживается рядом с Булочкой Касьянов.

- Дело в том, что все Снегурочки очень похожи. И, возможно, это даже не наша мама.

Восторженный доверчивый взгляд Булочки становится деловитым и хмурым.

- Надо пловелить, - оглядывает меня она с сомнением.

- Боюсь, что способа проверить нет, - разводит он руками.

Пытается взять её на руки, но решительно оттолкнув, Ариша проходит к кухонному столу. Подтягивает туда стул.

С грохотом снимает с кастрюли крышку. Насыпает ложкой макароны в чашку.

- Что мне говорить? - беззвучно шепчу я.

Питбуль озадаченно пожимает плечами.

Ариша несёт мне чашку с макаронами. Водружает на стол. Густо поливает их сгущёнкой, потом жидким шоколадом для мороженого. Пачкается. Причмокивая, облизывает пальчи-

ки. Несёт вилку.

- Ешь, - внимательно смотрит на меня во всё глаза.

Питбуль за её спиной страдальчески смотрит "в небо".

Непонятный месседж! Мне есть или не есть?

- Ешь! - всовывает мне в руку вилку Булочка.

С опаской поглядывая на Касьянова, я погуще измазываю макаронину в "заливке" и отправляю в рот.

- Ммм... - мычу от удовольствия.

- Вкусно? - пытливо.

- Вкусно! - улыбаясь киваю я, съедая ещё одну макаронину.

- Наша! - победоносно констатирует Булочка.

Питбуль изображает фейс-палм.

Ну, вкусно же... Чего он?

Богдан

Готовлю на кухне человеческий ужин. Рожки со сгущённой - мило, но как-то несерьёзно. А девчонка наверняка голодная.

Поглядываю через арку в гостиную. У ёлки на ковре Ариша со Снегуркой разбирают игрушки из коробки. На фоне горящего камина очень уютное зрелище, если не знать подноготную.

А если знать, то хреновая была идея. Но моя дочь никогда не плачет, она боец и деятель. А тут... И что-то крыша моя пошатнулась.

Режу овощи, Ариша дёргает меня за штанину. Снизу-вверх смотрит, не моргая мне в глаза.

- Пусть маму оставит.

- Это невозможно, Ариш.

- Посиму? - нахмуливает брови.

- Мама нас так никогда не вспомнит. А вот приедет в резиденцию к Деду Морозу и сразу вспомнит! Будет тебе каждый месяц письма писать.

- И пусть не вспомнит. Мне и такая пойдёт.

Отрицательно качаю головой.

- Ему придётся её забрать.

- Плотивный дед! - топает гневно ногой.

Через десять минут прибегает опять.

- Я возьму сулупчики?

- Возьми... - на автомате позволяю я, не понимая, что она хочет.

Наверное, что-то из новых игрушек, которые прислала бабушка.

Заглядываю в печь. Ну, ещё минут десять.

Вытираю полотенцем руки и выхожу в гостиную. Ариша копается в игрушках. Снегурка спит, свернувшись под ёлкой. Точно - подарочек! Юбочка задралась по бедру. Ножки супер. Ловлю себя на попытке заглянуть во "внутренний мир" юной барышни.

Та-а-ак... Ты её для чего сюда притащил, капитан? То-то же. Нехорошо на детские игрушки заглядываться!

Закрываю глаза. Грустный вздох сожаления. Чего я хотел?
Ах, да...

Отыскиваю телефон Лобовой Ирины Васильевны. Жены его. И ещё раз читая заявление Лобова, набираю её номер. Бреду медленно в спальню.

- Слушаю.

- Ирина Васильевна?

- Да.

- Капитан Касьянов Вас беспокоит. У меня допрос по вашему эпизоду. Можно я предварительно пару моментов уточню?

- Уточняйте, конечно, - скрипучим недовольным голосом.

- Значит, Ваш муж нанял Синичкину Агнию Павловну в качестве?...

- Горничной. Помощницей по хозяйству. Дом у нас большой...

Да, хоромы у Лобовых знатные, что само по себе наводит на мысли. Не годами строился. Купили сразу. За баснословную сумму. Взятки берёт - это ясно. Да только за руку не пойман. Видимо, делится с кем надо.

- Понял. А давно нанял?

- Точно не знаю, я из санатория недавно приехала. А тут это...

- То есть с Синичкиной Вы лично не пересеклись?

- Нет.

- А что ж он с Вами прислугу не согласовал? Без хозяйки

вроде как не нанимают.

- Что там согласовывать? Попробуй найди приличную. Всё путёвые - при деле, а эти, помоложе... потаскушки! Клейма негде ставить. А мой муж в людях не разбирается. Пришла - взял! - с едва контролируемой ледяной ненавистью в голосе.

А при чем тут это, интересно? Про "облико морале" я ещё не уточнял. Но, как известно, "голодный" на любой вопрос про еду отвечает.

- А какие драгоценности пропали?

- Какие драгоценности? - настороженно.

- Брошь с аметистами, да?

- А, да, - поспешно.

Что-то такое в её интонациях...

- И кольцо с бриллиантом? - придумываю я.

- Да-да... Кольцо тоже.

А никакого кольца в заявлении нет! Врут оба.

- А сколько карат бриллиант?

- Мм... Два с половиной карата, кажется.

- А огранка какая? А то есть у неё колечко, может Ваше?

- Огранка... Я и не припомню.

Нет. Огранку собственного бриллика два с половиной карата никакая хозяйка не забудет. Это ж приличная квартира на пальце. Такими хвастаются. Иначе, какой смысл их покупать?

- А что ж оно не в сейфе было? Серьёзная драгоценность.

- Я уже и не припомню, - раздражённо.

- А сертификат на камень есть?

- Господи! Да оно от бабушки мне досталось. Какой сертификат?!

Нихреновое наследство!

- Старинное, значит?

- Да! - недовольно.

- Понял, спасибо. А бабушка у Вас кем была?

- Это важно, капитан?!

- Нет. Просто интересно. Вы же из-под Кемерово родом, вроде бы? А я тоже из тех краев.

Лобова, меня и ещё пару человек перевели сюда из Новосибирска. И жену его я знаю лично.

- И вот думаю... - продолжаю я, мысль. - Там богатых фамилий того поколения штук... пять было, не больше. Из какого рода Ваша бабушка?

- Знаешь что, капитан... - с угрозой. - Ты не забывайся с кем говоришь! Ты свою подозреваемую там допрашивай, а не меня!

- Понял! - бодро съезжаю я. - Всего хорошего, Ирина Васильевна. Спасибо.

Врёт.

- Врёт... врёт... врёт! - бормочу задумчиво, постукивая пальцами по столу.

Ладно, разберёмся.

Выхожу обратно в гостиную.

Ариша пристегивает браслет пластикового игрушечного наручника к тонкому запястью Снегурки. Второй к стволу ёлки. Снегурка не шевелится, мирно посапывая.

Цокнув, вздыхаю. Опускаю взгляд на пол, там что-то поблескивает в свете гирлянд.

Ого! По периметру – выложены, наверное, всё мои шурупы из ящика с инструментами. Остриём вверх.

- Это что такое?! - шепчу, присаживаясь и поднимая шуруп.

- Пусть не подходит! - грозно поднимает Ариша молоток.
- А то как дам ему!

- Кому?!
- Деду плотивному этому Молозу! - заговорщицки шепчет она.

- А ну-ка немедленно шурупы собрать! И положить обратно, - шиплю на неё гневно. - А если Снегурка твоя встанет и наступит?! У деда твоего противного Мороза валенки! А она то босиком. Распорет всё к чертовой матери!

Вытаскиваю из рук молоток.
- Это - не трогать без спроса! Уяснила?
- А я со сплосом, - шипит в ответ дочка, тыкает пальчиком в кобуру. - Это дай!
- Ремня сейчас дам.

Про ремень Ариша знает только гипотетически. И особенно трепета к этим угрозам не испытывает.

- А я ему кочелгой тогда дам! - упрямо прищуривается

дочь.

Запах... Мясо!

- Собрать! - строго указываю пальцами на шурупы. - Немедленно!

Включила воительницу. Теперь попробуй спать уложи. Будет как цербер свою Снегурку охранять. С утра скандал устроит...

Эх... И так плохо и эдак хрень. Чего б придумать?

На кухне достаю большое блюдо для запечённых ребрышек. Посуда гремит. Ну да ладно, все равно будить надо и кормить. Выключаю печь, открываю и, надев прихватки, сжимаю противень. Главное, не обжечься.

- Ай, ай, ааа! - запрыгивает Снегурка на одной ноге в кухню, жалобно хныкая. - Мамочка... Оо...

Шуруп поймала, не иначе!

Падает на стул, задирая ногу и демонстрируя мне, сидящему на корточках, симпатичный "внутренний мир".

Ей не до этого, а я зависаю как пацан. Трусики у неё сиреневые...

- Ой! - переводит на меня шокированный взгляд, тыкая испуганно пальцем мне за спину.

Палёным воняет.

- Черт!!

Выдергиваю руку. Припаянная к раскалённой спирали кожа на запястье отрывается с противным звуком.

Смотрю с досадой на серьёзный ожог. Он не первый на

моём предплечье. Точно такой же полгода назад выхватил. Здесь же. Ариша отвлекла тогда. Шрам вот, рядышком.

Быстро запениваю пантенолом и сажусь на колени перед хлюпающей носом Снегуркой.

Не моргая смотрит на мой ожог. Рывком выдергиваю шуруп из её ступни под пальчиками. Громко охнув, умывается слезами. Машинально сжимаю ее маленькую ступню в ладонях. Жалко...

Ариша испуганно выглядывает из-за арки.

- Вот видишь, что ты устроила? - киваю на Снегурку.

Опускает взгляд, теребя себя за пальчики.

- Это - дед, - уперто.

- Совсем не больно Вам? - шепчет Ася, не отводя взгляда с оседающей пены.

- Совсем, - бурчу я.

- А мне б-б-больно... - всхлипывает.

- Снимай колготки, будем лечить.

- Отвернитесь.

Мда. Так себе "потаскушка". Синичка обыкновенная...

Когда женщине больно, она не играет роли. Застенчивость на подкорке должна быть. Так что....

Отворачиваюсь.

Соскучился я по синицам. Редкие птицы.

Ты не расслабляйся, капитан! - одергиваю себя. - Брошь-то она могла и стащить. Верно?

Забинтовав ступню Снегурке и spoив ей тройную порцию

детского обезболивающего, достаю из холодильника заживляющую мазь от синяков. У неё на лице уже цветёт на челюсти.

- Любовь? - веду пальцем.

Кивает.

Убираю мазь обратно. Нет. Не буду я эти побои вуалировать. Мало ли как удастся дело повернуть.

Она хмуро срисовывает мой жест.

- Пусть это всё будет видно, - поясняю я. - На экспертизе.

- Аа... Была уже экспертиза. Ваш врач этого не заметил, - вздёргивает подбородок.

- Бывает у нас такое. Разберёмся.

Принимаюсь за себя.

- Давайте, я помогу, - заглядывает в глаза. - Неудобно же одной рукой.

- Ну, давай...

Морщась, словно ей больно вместо меня, очень аккуратно обрабатывает антисептиком.

- Смелее.

- А Вы вообще рану не чувствуете?

- Чувствую. Пульсирует. Отёк чувствую. Адреналин чувствую. Сердце колотится. Дискомфорт чувствую. Лихорадить потом начнёт. Моё тело знает, что повреждено. Но именно боли - нет.

Забинтовывает. Завязав узелок, гладит невесомо меня пальчиком по ладони. У меня перехватывает дыхание от этого невинного жеста. Он словно из другой реальности, в ко-

торой давно меня уже нет.

- И так не чувствуете? - с ужасом и любопытством.

- Так - почти нет. Но прикосновение чувствую. Как давление на кожу, - перехватываю её кисть в рукопожатие. - Холод чувствую, тепло... Слизистую чувствую гораздо лучше.

- Понятно... Бесчувственный, в общем, - вздыхая, поджигает губы.

- Это не чувства, - выдергиваю руку. - Это ощущения.

И эта в инвалиды записала. Давай еще - про интим спроси, как другие!

Но Синичка не спрашивает. Грустит...

- Ариша! Сядь за стол.

Присев, Ариша перелистывает настольный календарь.

- Какое? - требовательно.

- Тридцатое.

- Завтра? - воинственно уточняет на счёт Нового года.

- Завтра, - хмурюсь я.

- А давно это с Вами? - отмирает Агния.

- А что?

- Извините, - опускает взгляд.

- Чуть больше года. И закрыли эту тему.

Мы ужинаем в тишине, звенят только вилки. Вернее - с аппетитом ем только я. Ариша расстроена. Агния кусает губы и делает вид, что ест салат.

Шуруп - это, наверное, больно. А не забыл, что значит больно. Но сидит, не жалуется.

Две собачьи морды преданно смотрят в окно. Чувствуют запах и ждут своего угощения.

- А как тебя зовут? - неожиданно поднимает глаза на Агнию Ариша.

Утреннюю версию, что маму зовут мамой, у меня язык повторить не поворачивается. Она же начнёт называть! И мне кажется, это сильно усугубит ситуацию. Синичка переводит растерянный взгляд на меня.

- А она же не помнит ничего, Ариш, - поспешно сообщаю я.

Дочь спрыгивает со своего стула и забирается на руки к Снегурке, утыкаясь в грудь лицом.

- Ариш! Сядь на своё место. Мы ужинаем.

- Ну, перестаньте! - обнимает её Ася. - Хочешь, я тебе косички заплету?

Дочь поднимает на неё доверчивый взгляд.

- С тобой поеду, - решительно.

- Куда? - сглатывает Ася.

- К деду Молозу.

- А я? - бросаю вилку.

Но дочь только сильнее утыкается в неё.

- Ариша... - гладит её по спине Снегурка. - Со мной нельзя. Там... очень холодно.

- Ну и что...

- Там... нет ничего вкусного, - смотрит задумчиво в окно Ася. - Ни шоколада, ни сгущёнки... Один безвкусный снег.

- Ну и что... - упрямо.

- Там... нельзя никуда выйти. Только ледяные стены.

- Ну и что.

И мне очень тоскливо становится за розовощекую Синицу. Скоро она отправится именно в такое место. А ещё там другие Снегурки гопницы и Деды Морозы через одного му-даки. А она молоденькая и скромная.

- А тут папа, - продолжает уговаривать Арину Синичка.

- Папа тебя любит. Вкусняшки тебе готовит. Здесь тепло. - подрагивает её голос. - Папе без тебя будет очень одиноко. А я буду тебе письма писать...

Ариша спрыгивает с колен и убегает из кухни.

- Зачем Вы так сделали? - с осуждением смотрит на меня Агния.

- А я же - бесчувственный, - оскаливаюсь я.

- Спасибо, вкусно, - отодвигает от себя практически нетронутую тарелку Агния.

- Чай, кофе?

- Ничего не нужно. Спасибо.

- Зря. Я бы на твоём месте воспользовался моментом. Долго я тебя здесь держать не смогу. До первого звонка начальства.

Разглядываю её. У меня к ней сотня вопросов.

- Как попала к Любовым?

- Бабушкин дом снесли. А мне квартиру должны были дать в новом. Только стройку заморозили, - пожимает пле-

чами. - Пришлось комнату снять пока. Деньги были нужны. Ну и вот...

- Точнее про "вот".

- Комнату я снимаю в двухкомнатной квартире. Деньги отдавала Вере Палне. Но мне не хватало. С работой после школы сложно. Спросила у Веры Павловны, не знает ли она людей, которым помощница по хозяйству нужна. Она к своему племяннику отправила. К Лобову. И - вот.

- Вилку зачем воткнула?

Щеки вспыхивают. Открывает рот, готовясь к гневной тираде, и захлопнув отворачивается.

- Чего молчишь?

- А Вы же "его человек". Смысл? - обиженно.

Да. Многие думают так. Нас одной командой перевели.

- Приставал?

- Да.

- Изнасиловал?

От вспышки бешенства кровь бросается мне в лицо.

Отрицательно качает головой, вжимая голову в плечи.

- Но попытался, да?

Кивает.

- Попала ты, Синичкина, - вздыхаю я. - Под каток. В твоей ситуации лучше бы изнасиловал. Там бы хоть шанс был на независимую экспертизу и встречный иск.

Переводит на меня, возмущённый взгляд. Ноздри и губы подрагивают.

- Брошь куда дела?

- Я не брала.

- Вернешь брошь, я постараюсь вытащить тебя.

- Я не воровка. Но за сопротивление и вилку же не посадишь, вот он и брошь придумал.

- А она хоть в природе существует эта брошь?

- Да. Она в комнате его жены, на трельяже лежала. Я там пыль протирала. Он мне её всунуть пытался, как плату за...

- Понятно.

Одновременно поворачиваем головы в сторону гостиной.

Суета, дым и запах горелого пластика. Выбегаю из кухни.

- Ариша!!

Уронив с крестовины наряженную ёлку, упёрто сует её верхушкой в камин.

- Ты что делаешь?!

- Не хочу Новый год.

Выдернув горящую ёлку, тащу её на улицу, втыкаю макушкой в снег.

Собаки с любопытством носятся вокруг.

Возвращаюсь и, повышая голос, устраиваю серьёзную взбучку дочке. Что она совсем распоясалась. Что огонь - это не шутки! Что дом может сгореть, да и мы сами, в конце концов.

- Не надо орать! - орёт на меня в ответ, одновременно со стоящей в арке Асей: - Не надо кричать на девочку!

Зажмуриваюсь. Ну что за неуправляемый беспредел-то?!

Присаживаюсь, поднимаю дочь на руки и прижимаю к себе.

- Я тебя люблю, - шепчу ей на ушко.

Затихает. И шепчет в ответ:

- К маме пойдём, - требовательно. - Косы плести.

Как бы мне ту "маму" вытащить, а? Нанял бы нянькой. Да и вообще - жалко девчонку. Лобов - дотошная, мстительная скотина с комплексом неполноценности. Он ей такое никогда не простит.

Глава 3 - Побег

Ася

Валяясь на ковре дочитываю третью сказку, помахивая перебинтованной ногой. Это немного отвлекает от ноющей тупой боли.

Негромко играет детская новогодняя музыка на колонке.

Касьянов, сидя у камина, то ли думает о своём, то ли тоже внимательно слушает сказки, сжав в зубах спичку. Медленно крутит пальцем телефон на полу.

На месте, где царевну спасает богатырь, морщится, раздражается... отталкивает телефон пальцами. Он скользит по полу туда, где стояла ёлка. Смотрит в огонь. Выкидывает туда спичку.

- Сообщить матери? – перебивает, бросая на меня взгляд.
 - Смысл? Она не приедет.
 - Почему?
 - В Германии она. Замужем. Муж у нее такой там... не отпустит.
 - К ребенку не отпустит?
 - Не знает он, что я есть.
- С отвращением, беззвучно ругается.
- Ладно. Кому сообщить можно?
 - Некому,- пожимаю плечами.

- Мужчина есть у тебя?

- Мужчина? – удивленно смотрю на него.

Есть мальчик, с которым общаемся. Но он не мой парень даже. Мне и попросить у него помощи неловко. Да и чем он поможет?

Отрицательно качаю головой, пожимая плечами.

- Невнятный ответ, - низко, тихо, грубовато.

- Нет мужчины.

- Характеристику на тебя кто дать может хорошую?

- В художественной школе, если только.

Опять замолкает. Булочка сонно теревит меня. Дочитываю.

- "И жили они долго и счастливо. И умерли в один день!"

Ариша посапывает, вцепившись крепко пальчиками в мою водолазку.

Я и сама ложусь щекой на ковёр, глаза слипаются.

Питбуль задумчиво подкидывает в угли дрова. Закрывает огонь прозрачной створкой.

Профиль у него на фоне огня такой, что сложно взгляд отвести. Скуластый, голубоглазый... Белая рубашка заката-на на мускулистых предплечьях. Там есть шрамы. Они еще розовые. Только зарубцевались. Облизывает губу, проходясь по ней зубами.

Как так - не чувствует? Это же если боль не чувствуешь, то и ласку тоже. Да? Грустно как...

Оборачивается в мою сторону. Закрываю глаза, делая вид,

что сплю.

Вырубает вполне по-настоящему. Но мне нельзя засыпать. Мне надо попробовать сбежать. Я в тюрьму не могу! До ужаса боюсь этого места, после того обезьянника. Лучше тогда совсем не просыпаться!

Слышу и ощущаю, как он ложится на спину рядом. И наши лица, должно быть сейчас на одном уровне, но перевернуты по отношению друг к другу. Запах его парфюма становится насыщенней.

- Ася... - шёпот.

Дыхание от этого близкого низкого шёпота срывается. Но я изо всех сил стараюсь дышать ровно и притворяться спящей.

Ощущаю по лёгкому натяжению, что прикасается к моим волосам. По затылку мурашки...

- Ладно, поспи, - шепчет он, вздыхая.

И через несколько минут сам начинает дышать равномерно и глубоко.

Приоткрываю глаза, наблюдая за ним из-под ресниц.

Спящий красавец прямо!

Интересно, где Аришина мама?

Разжимаю пальчики сладенькой булочки, так отважно меня охраняющей. К сожалению, от того, что мне грозит, она не защитит.

Мне хочется оставить ей какое-нибудь послание, чтобы она не сильно расстраивалась с утра. Но читать она не уме-

ет, а Питбуль всё равно прочитает любое послание так, как решит нужным...

Тихонечко дотягиваюсь до её сумочки. Крашу чужой розовой помадой губы и, чуть касаясь, оставляю ей поцелуйчики на лбу, щеке, и ладошке. Вот такое будет послание! А ещё снимаю бусики с себя и надеваю ей как браслетик, свернув несколько раз.

Питбуля этого тоже бы чмокнуть на прощание. Так, чтобы почувствовал. Может, он такой сердитый, потому что его не гладят? Ну, может, и гладят, но он же не чувствует.

Зависаю кистью над его темно русой, чуть волнистой шелюрой. Невесомо веду пальцами. Не почувствует... И даже становится стыдно от мысли, что я собралась бежать и подставляю его перед начальством. Всё-таки не обидел меня никак. Не удержавшись, слегка касаюсь накрашенными губами его скулы.

Ты такая дура, Ася! А если ты его разбудишь? Он тебя не пощадит. Не отпустит. И с утра обязательно обидит. Увезёт за решётку. И забудет...

А я там сразу умру в резиденции этого «плотивного» Деда Мороза!

Как же выбраться? Собаки там огромные, ужас просто! Клыки щёлкают, от рычания волосы дыбом...

Надо их в дом заманить, а самой выскочить!

Крадусь сначала в кухню. Высыпаю на поднос кости от ребрышек и разбавляю несколькими мясистыми. Ставлю

поднос в самом конце коридора.

На голые ноги надеваю сапожки. Запахиваю короткую шубку. А бабушка говорила – «покупай, Асенька, длинную!». Бабушка всегда была права.

Так... А куда я побегу? Ни паспорта, ни телефона... Выворачиваю пустые карманы. Ни денег на билет. Всё в полиции отобрали.

Простите меня, капитан Касьянов... Умирая от стыда, забираю с комода пятитысячную купюру. Там их четыре штуки. Подумав, беру две. Прячу в карман.

На блокноте, у висящего телефона, пишу: "Простите, пожалуйста. Деньги очень нужны на билет. Я вам всё обратно обязательно вышлю! Ася."

В коридоре уже густо пахнет мясом. И я очень надеюсь, что собак этот запах привлечёт сильнее чем мой. Открываю дверь, подпираю, чтобы не закрылась. Прячусь за следующую дверь на веранде, которая ведёт на улицу. Перекрестившись, открываю, вжимая ей себя в стену.

Мама-мамочка...

Собаки радостно несутся мимо меня внутрь дома! Я быстро захлопываю за ними дверь и подпираю её стоящим на веранде комодом.

Вот сейчас начнётся!

Со всех ног бегу на улицу к воротам, забывая про боль в ноге. С грохотом сдвигаю задвижку и вылетаю на улицу.

Дезориентированно оглядываюсь. Где я? Куда бежать?!

Темно... Кое-где фонари горят. Бегу до первого поворота. Потом сворачиваю ещё куда-то, ещё...

Там мужчины у очередного забора ремонтируют машину, копаясь под капотом.

- Здравствуйте, - задыхаясь, выпаливаю я.

Оборачиваются.

- А как в центр попасть, подскажите. Я кажется заблудилась.

Оценивающе смотрят на мои голые ноги. Переглядываются.

- Такси лучше вызвать, - вытирает один из них руки ветошью. - Адрес вот.

Кивает на свой дом.

- Телефон потеряла, - мнусь испуганно.

- А ты чего такая? Обидел кто?

Растерявшись, положительно и отрицательно одновременно кручу головой.

- Вась, ну вызови машину ей.

Открывает дверь своей.

- Сядь, погрейся.

- Нет! - резковато отвечаю, делая шаг назад. - Спасибо! - поспешно поправляюсь, трясаясь от холода. - Я не замёрзла.

- Да уж...

Пока первый вызывает такси, второй предлагает:

- Может ментов тебе, а не такси?

Отрицательно кручу головой. Дожидаюсь такси, под их

сочувствующими взглядами. Мужчина оплачивает такси. Я смущаюсь, но не отказываюсь.

- Спасибо вам.

- Да ладно...

- Куда едем? - разворачивается таксист.

- Автовокзал...

Там точка посадки на бла-бла-кар и паспорт не нужен.

Уехать я могу только в одно место – к бабушкиной старинной подруге. Тёте Тамаре.

Богдан

Просыпаться не хочется. Как не хотелось зимой просыпаться в школу. Потом в армии, конечно, научили просыпаться. Там - без вариантов

Но чувствую, что проснуться очень важно. И не могу.

Не открываются глаза и всё! Потому что неожиданно уютно, тепло, убаюкивает её голосом и этими сказками, которые в моём сне она продолжает читать.

Растворяется внутренняя постоянная собранность, которая уже год не даёт мне выспаться. Потому что где-то вне сна есть Ариша. И кроме меня за ней никто не смотрит. А она авария у меня, хулиганка. И страшно, что навредит себе.

Поэтому я сплю как дельфин, одним полушарием мозга, а вторым - всегда начеку. И давным-давно не высыпаюсь.

А сейчас этой тревоги в моём сне почему-то нет. Там семья. Я путаю образы Марины и Аси. Они сливаются. Не могу

вспомнить, что не так с Мариной, и почему я был так зол на неё. Она такая ещё юная. Хорошенькая!

И отлипнуть от её губ не хочется. А ещё это так кайфово - чувствовать ласковое движение женских пальчиков по коже, волосам. От которого мурашки и становится горячо и тесно в собственном теле. Я же почти забыл - как это. Я только во снах и вспоминаю.

Хочется дышать этим свежим девичьим запахом, без всякого парфюма...

А Ариша ещё совсем крошка и только родилась. Но уже грозно хмурит свои упрямые брови. И почти никогда не плачет, только кряхтит, когда ей что-то не нравится.

Настолько сильно хочется дальше плавать в этом сне, что гори оно всё огнём!.. И даже горячий собачий язык не будит меня, а только раздражает. Мокро. Язык?...

- Фу... - ворчу, отталкивая морду ладонью.

- Папа! - требовательный и звонкий вопль Арины тут же прогоняет сон.

Рывком сажусь, распахивая глаза как от инъекции адреналином.

- Он мамочку утащил! - несётся она в коридор.

Босые ноги шлепают по полу. Запнувшись обо что-то с грохотом летит на пол.

- Арина! - выбегаю следом за ней. Присев рядом со стальным подносом, обнимает себя за разбитые коленки и слепо смотрит на дверь.

Ушиблась. Но не плачет. Пытаюсь поднять на руки.

- Нет! - отпихивает меня гневно.

Оглядываю коридор. Сбежала...Как она смогла?!

- Алтай! Кора! Где гость?! - требовательно смотрю на псов.

Поскуливая, облизываются.

Поднимаю с пола поднос. Зачем он здесь? Пахнет мясом, жирный...

Осматриваю всё. Сдвигаю купюры, оставленные на комод.

- Ах ты маленькая воровка...

Неспроста на Марину похожа. Такая же... Та тоже все карманы вывернула, когда смыться решила.

Собаки стыдливо опускают морды. Жмутся к дочери с боков. Она игнорирует их, упрямо глядя на дверь. По щеке дорожка от слезы, губы обиженно вздрагивают...

- Ариш, мама тебе письмо напишет, - жалкое какое-то обещание.

Отрицательно качает головой.

- Нет, - безнадёжно.

Меня взрывает это всё, я бешусь на весь белый свет. И очень остро ненавижу её мать.

Потому что, бросила... Ладно - меня. Её!

Потому что, может спать, есть, развлекаться, не зная, как тут дочка.

Потому что, звонит раз в несколько месяцев и может ды-

шать чём-то в этих длительных перерывах.

Потому что ни разу не приехала. И даже не попыталась воевать за то, чтобы дочь уехала с ней.

Я бы не отдал!

Но она же даже не пыталась!

Я не могу спать, а она, мля, может!

Потому что сука! Сука!!

А Ариша сидит тут и смотрит на дверь таким взглядом, что мне выть хочется. Просить прощения. И что-то обещать. Что-то делать.

В эмоциях выдергиваю телефон. Отыскиваю номер бывшей. Нажимаю звонок.

Долго не берёт трубку. Захожу в спальню, закрывая за собой дверь. Бросаю взгляд на часы. Двенадцатый. Наконец, отвечает.

- Да? - растерянным заторможенным голосом.

- Спишь? - резко бросаю я.

- Сплю.

- А какого хрена ты спишь, когда твой ребёнок не спит, а?! - рычу я.

- Что случилось?

- Мариша, гости ждут! - слышу на заднем фоне энергичный мужской голос.

Ещё и сучка брехливая!

- Мать-кукушка у неё случилась! Такое вот детское горе!

- Что ты кричишь на меня, Дан?! - обиженно.

- Единственный вопрос, который у тебя возник?!

О чем с ней говорить вообще??

Скидываю вызов. Внутри вспыхивает забытым давно чувством к ней, с примесью жгучей ревности к этому голосу. Но оно гаснет под цунами отвращения и презрения.

Нет уж!

Тут уж лучше с этой чужой Синицей как-то договариваться. Зараза тоже! Жучка мелкая...

Ничего, далеко не смоешься. Город весь на мониторах.

- Ариша! - открываю дверь. - Пять минут на сборы. Попробуем... маму догнать.

- Я бегу! - несётся шлепая ногами. - Я сейчас! Я почти всё!

Что ты творишь, Касьянов, а?! Ты что делаешь, ты зачем её обнадеживаешь??

Потому что, лучше попробовать догнать маму и не суметь, чем не пробовать и навсегда в глазах дочки остаться тем, кто не пытался.

Застегиваю кобуру, ремень...

Чего ж ты так за родной её матерью не бежал, а?

Тогда мне казалось, я вывезу это всё. И нахрен она будет нам не нужна.

Вывез?!

Я - да.

Дочь - не очень.

Но я бы и сейчас не побежал. Кинула нас один раз, кинет и второй.

Через минуту дочь выскакивает ко мне в прихожую кое-как наспех одетая и с рюкзаком.

- Оставь его!

- Неть.

Ай, ладно.

С усилием открываю дверь, отодвигая задвинутый с той стороны комод.

Коза...

- А ну-ка - кыш! - открываю двери, выгоняя собак. - Охранять, двоешники! Позорники! Девчонка двух серьёзных псов вокруг пальца... Котов возьму дом охранять и то больше пользы будет!

Понуро опускают морды.

Запираю двери, усаживаю в кресло Аришу.

Пока греется движок, быстро соображаю "куда". Звоню в Центральный участок, чтобы дали всем патрулям ориентировку на худенькую девушку в розовой шубке. Примета яркая.

Выезжаю в центр, делаю несколько кругов по улицам.

Домой ты, не пойдешь... Наивная, но не дура.

- Папа...

- М?

- Где меня взяли?

- Аист принес, - на автомате брякаю я.

- В садике мама всех лодила. А меня не лодила.

- Как это не родила?

- Девочки так длазнят.
- Девочки твои - дуры. Не слушай. Родила тебя мама, как и всех остальных. А про аиста я пошутил.
- Я и не слушаю. Бью их... - философски.
Дерётся, да. Это настоящая проблема.
- Мама там! - пищит внезапно Ариша.
Бью по тормозам, оглядывая площадь.
- Там... Там... - машет Ариша, отстегивая себя от сиденья.
- Бежим!

На площади толпа народу. Ёлка, горки, огни...
Взяв Аришу за руку, веду её по праздничной площади мимо людей.

- Точно видела?
- Его видела! - вырывает руку, указывая на переодетого деда Мороза. - Он маму утащил!

Бежит в сторону Деда Мороза.
- Ариша! - поскальзываюсь, дергнувшись за ней.
И пока отыскиваю равновесие, она успевает добежать до Деда Мороза. Яростно пинает его по валенку. Явно пьяненький мужик в недоумении опускает взгляд вниз.

- Тебе чего, кнопка? - обескураженно.
- Мама где, м?! Папа тебе даст сичас!
- Извините! - подхватываю за пояс дочь и уношу под мышкой. Пытается пинаться и вырываться.
- Пусти!!
- Не тот это Дед Мороз, детка. Это заместитель. А нам

настоящий нужен.

Затихает.

Открываю сообщение в патрульном чате.

"Не твоя, Касьянов? "

Издали фотка моей Снегурки.

Автовокзал. Стоянка для частников.

"Закройте шлагбаум на десять минут. Сейчас буду. Моя. "

"Задержать, может?"

Перепугают опять и обидят Синицу эту... А я сам её перепугать собираюсь. Ибо - нехрен! Я с ней понимаешь, нянчусь, а она?

"Не трогать. Сам я! "

Ася

Купив стакан горячего чая в ларьке, оглядываю машины на стоянке вокзала. Вот отсюда мы к тете Тамаре ездили.

Маленький частный микроавтобус - до Никольского. Это я выясняю у трех женщин, которые не успели на последний рейс. Посадочных мест - шесть.

Колени и уши замёрзли так, что не чувствую. Женщины смотрят на меня брезгливо и с осуждением. Как Питбуль, когда только увидел.

Да, я, может, и сомнительно выгляжу. Но замёрзший человек уж точно не вызывает у меня осуждение!

Виновата я что ли, если магазины закрыты здесь все закрыты.

Поднимаю повыше воротник шубки.

Если я когда-нибудь буду себе ещё покупать шубку, то она будет длинной и с капюшоном. Как завещала моя великая бабушка!

Будущее кажется мне туманным и непривлекательным. Это очень несправедливо. Но сдаться и позволить этой несправедливости происходить без моего сопротивления я категорически не могу!

Чувствую, как начинает беспощадно клонить в сон. А вот холод чувствовать перестаю. Выдыхаю густое облачко пара. Температура падает...

- А где водитель? - прождав ещё минут десять спрашиваю я.

Одна из тёток кивает мне за машину. Выглянув на секунду, тут же залетаю обратно. Патруль проверяет у него документы.

От колотящегося истошно сердца сон снимает как рукой. Скорей, пожалуйста!

Прислонясь бедром к боку тёплого капота микроавтобуса закрываю опять глаза.

Внезапно оглушает волной адреналина. Как бывает, когда разъярённый пёс выскакивает из-за угла. И тут же:

- Попалась, мелкая воровка! - прихватывают чувствительно меня за ухо горячие пальцы.

- Ай...

Касьянов!!

- Отпустите!

Отпускает, но тут же грубо давит на спину, толкая колено между бёдер.

- Руки на капот, - низкое рычание.

Тетки ахают, спеша разбежаться подальше. А какой-то подросток азартно достаёт телефон и начинает снимать нас.

Не веря в происходящее, ловлю ладонями тёплую сталь капота, чтобы удержать равновесие. Я такое только в кино видела!

Одежда Касьянова трётся о голую кожу моих ног. Это больно...

- Побегать решила, да? - с издёвкой.

Отводит одну мою руку назад, щёлкает наручником. Потом вторую.

- Статья триста тринадцатая! "Побег из-под ареста или из-под стражи наказывается лишением свободы на срок до четырех лет."

С ужасом замираю. В ушах звенит.

Как до четырёх?

- Это, - многозначительно шепчет мне в ухо, согревая его дыханием, - плюсом к сроку за воровство и нападение на полковника полиции. Вперёд, Синичкина!

Придерживая под локоть ведёт меня к тем патрульным, что проверяли документы у водителя.

Лицо моё согревается от горячих слёз, молча льющихся по лицу. Всё расплывается перед глазами. Фонари превра-

цаются в звезды с длинными лучами.

Патрульные угорают.

- В прошлом году Медведев за своей весь новых год бегал.
В этом - Касьянов.

- Эта - не моя, - гневно бросает Питбуль.

- Смотри, к весне женишься! Примета у нас такая, - стебует
они его.

- Исключено, - холодно фыркает он.

- Ну и зря! Красивая ж девка! Ноги какие.. ууу!...

Не отдаёт меня этим патрульным, ведёт к своей машине.

Поскальзываюсь. Дёргает за руку к себе, не позволяя
упасть. Рука выворачивается в суставе. Вскрикиваю от боли.

- Ах да! - перехватывает крепче. - При задержке "бегунов"
нередки серьёзные травмы, - продолжает, словно читая мне
лекцию. - Например, вывих или перелом плечевого сустава.
И иногда даже огнестрельные ранения. Рукоприкладство так
же не возбраняется, если это помогает обездвижить преступ-
ника. Подумала об этом, Синичкина, когда понеслась?! Что
тебя могли поломать нахрен! Не каждый же такой ласковый,
как я! - ядовито.

- Да Вы слова такого не знаете - "ласковый", - рыдаю я.

- Это не тебе судить, поняла? - зло.

Притормаживает меня.

- Там в машине мой ребёнок. Выкинешь любую дичь, на-
пугаешь её, будешь кричать или рыдать на пустом месте...
Сразу же в СИЗО! К другим дяденькам. С верой и надеждой

на их отзывчивость и ласку. Там сплошь такие, мля... - тихо выругивается он. - Обласкают, мало не покажется.

Тащит меня дальше. Едва переставляю ноги.

- Страшно?!

- Да!

- Правильно. Бойся. И глупостей не делай!

- Да что я Вам сделала?... - всхлипываю я.

- Действительно! - с сарказмом.

- Отпустите... Я же не виновата ни в чём!

- Тихо, я сказал! - промакивает платком мои слёзы. - Ты у меня взяла оплату за услугу, которую не оказала. А это мошенничество, как минимум. А как максимум - воровство.

- А?..

- Деньги украла, говорю!

- Одолжила я!

- Вот как это теперь называется?... Класс!

А на скуле у него блестит след от моего поцелуя.

Опускает взгляд на голые ноги.

- Бестолковая! - рассерженно играет желваками. - Штаны лучше б украла.

Открывает мне дверь на сиденье рядом с собой. Из машины бьёт на меня горячим воздухом. Усаживает. Садится рядом. Оборачивается назад.

- Уснула, слава Богу... - громко выдыхает, устало протирая ладонями лицо.

Оборачиваюсь тоже. Булочка спит в детском креслице.

Он выкручивает чуть громче звук радио.

Сидеть очень неудобно, закованные руки не дают опереться спиной на сиденье.

Наклоняется, расстегивая мне сапоги.

- Что Вы делаете?! - шепчу я растерянно.

- А какие версии? - ворчливо.

Снимает их и подхватывая под колени, рывком дёргает ноги вверх, разворачивая меня на сиденье. Ставит мои ступни себе на бёдра. Я упираюсь спиной в дверцу.

Версий у меня немного!

Нагло ведёт руками по ногам вверх.

- Не трогайте!

- Тихо! - зло оскаливается.

Его пальцы ощущаются на коже, словно она под анестезией.

- Трындец! - ныряет руками под мою задравшуюся юбочку.

- Не надо! - умоляю его, зажимаясь.

Но его ладони быстро и грубо продолжают скользить по мне. Высоко и нескромно.

- Хватит... Не надо, пожалуйста, - испуганно шепчу, заливаясь краской.

Скрещивая щиколотки, подтягиваю к себе колени.

Руки замирают на мгновение. Взгляд медленно двигается по моим ногам под юбку.

Представляю какой там вид!

Ресницы его заторможенно смыкаются и словно с трудом распахиваются вновь. Взгляд стекленеет...

Зажмуриваюсь и дышу, мне кажется, так громко, что слышно даже на фоне музыки.

Или он так дышит...

Сжимая мои щиколотки тянет обратно.

Со связанными руками особенно не посопротивляешься. Но я неуверенно дергаюсь, отталкиваясь от него пятками.

Взгляд мой скользит ему в пах. И мне мерещится, что Питбуль неровно дышит к моей задранной юбке.

Гневно хмурюсь. Встречаемся взглядами.

- Только попробуй дернуться, - предупреждающе качает головой. - Выхватишь.

И я просто всхлипываю, кусая губы и ощущая, как хозяйничают его ладони на моих бёдрах, грубо скользя по ним.

- Больно? - строго.

Что?..

Первый шок отпускает, и я понимаю, что он не пристаёт, а пытается растереть мои ноги.

- Ася...

Мотаю отрицательно головой. Не больно. А может, я просто так перепугалась, что не чувствую ничего.

- А так? - давит пальцами повыше колен.

Там остаются белые пятна. Отрицательно качаю головой.

- Очень плохо.

Отпускает мои ноги. Подтягиваю их быстрее под себя, са-

дьясь на колени.

- Что делать-то с тобой? - озадаченно. - В баню, короче, поехали...

- Какую баню?

- К бандиту.

Это вот тому, что просил меня отдать?!

- У него отличная баня.

Господи...

Ведя машину, говорит по телефону.

- Гера, привет. С просьбой я. Девчонка тут у меня отмо-
роженная. Во всю голову, да, - усмешка.

- Сам такой... - кошусь на него.

- Ага. Та самая. Нам бы в баньку. Отлупить бы её там,
как следует! - бросает на меня мстительный взгляд. - А то,
боюсь, иначе не отопрею. И потеряем стратегически важные
органы. Можешь устроить? Спасибо, сейчас будем.

Обессиленно ложусь щекой на спинку сиденья.

"Отлупить..." Гад. А я ещё его целовала...

Глава 4 - Порка

Богдан

Гера радушно накрывает круглый дубовый стол в предбаннике. У него здесь всё душевно и раритетно - самовар, венички, варенье малиновое и кружечки с позолотой. В торце печи, который выходит в предбанник встроено тёмное жаропрочное стекло. За ним бодро пляшут языки пламени.

Уложив на диван спящую Аришу,двигаю к стеклу кресло.
- Садись, - киваю испуганной Снегурке. - Грейся.

Это правильно, что испуганная. Бежать в её случае - последнее дело. Примут в СИЗО, оттуда я её уже никак не выскребу. У меня таких полномочий нет.

Гера протягивает ей кружечку чая.

- Что ж ты так? - бросает взгляд на голые коленки. - Ну ладно, Вы грейтесь, я позже зайду.

Раздеваю Аришу. Стягивая шапку, замечаю пятна на лице. Что за?.. Веду пальцем. Помада? Приглядываюсь. Не просто помада. Отпечатки губ. Бледно-розовой помадой с блесками.

Она, конечно, ей балуется иногда, но саму себя в лоб не поцелуешь!

В груди скребёт от сомнительных чувств. Потому что я помню такие поцелуи на лице дочери. И мне кажется, они

были сделаны даже этой же помадой. Марина иногда её чмокала.

Подхожу сзади к Агнии, подхватывая её за подбородок задираю лицо вверх. Помады уже нет. Но блеск на губах ещё остался. Стойкий, жёсть просто! Помню, как психовал, стирая его с губ перед тем, как идти на работу.

Агния растерянно хлопает на меня глазами, глядя снизу-вверх. А мне хочется в лицо ей прорычать, чтобы не смела целовать моего ребёнка. Это не Марина, капитан, окстись! Но я зол...

- Раздевайся и давай в парилку, - сдержанно распоряжаюсь я.

Сажусь рядом с дочкой. Снимаю сапожки. Зачем Синица сделала это? Спроси, Касьянов, ты же не немой. Но спрашивать я не хочу.

Сделала и сделала... Может, прониклась, утешить хотела хоть как-то с утра, когда проснётся. Играла же с ней, книжки читала... Чего злиться на неё?

Это я не на неё. На бывшую. Потому что все эти ее поцелуйчики оказались дешёвкой, а не проявлением любви. И меня от них корёжит.

Выдыхаю. Эти поцелуйчики – не её. Посторонней девочки. Которая сделала их в порыве чувств к моему ребенку. Нет повода для бешенства. Никакого.

- Чего ждём? - смотрю требовательно на неподвижную Асю, снимая с себя рубашку.

- Я не буду раздеваться, - опускает она взгляд.

- Почему?

- Не буду.

Вот дурочка!

- Ты в бассейн ходишь? На пляж?

- Хожу иногда.

- Тоже самое. Давай-давай... Мне с тобой долго нянчиться некогда. Я спать хочу.

Дёргаю ремень, она с ужасом следит за этим жестом.

- Угомони свои фантазии, ты мне абсолютно неинтересна, как женщина.

Вру. Да, вру. Синица - красавица. Я залипаю на неё, заглядываюсь. Но зачем пугать еще сильнее? И поэтому, я оборачиваю бёдра простыней. Потому что сейчас она разденется и моё голодное тело обязательно среагирует. А она и так боится...

- Давай, Ася. Там под сотню градусов, и не до домогательств.

Подхожу, снимая с её плеч шубку. Вкладываю в её руки простыню. Отворачиваюсь. Но взгляд сам отыскивает тоненькую полоску зеркала на стене.

Сглатывая ком в горле, наблюдаю, как отвернувшись к стене, она стягивает кофточку, юбку...

Горячая волна идёт по телу, сбивает дыхание и вынуждает размять плечи, хрустнув суставами. Ррр... Хочу.

Ладно, не пялься Касьянов. Мало ли чего ты хочешь? Из-

меняю фокус зрения, переводя взгляд на отражение в зеркале своего лица. Вздрагиваю, прикасаясь к скуле. Отпечаток губ. Точно такой же, как на лице дочери.

Ты целовала меня, Синичка, пока я спал?

Закрывая глаза улетаю в неконтролируемо нахлынувшую фантазию о том, как ловлю её нежные губы своими. Пульс ускоряется, горло перехватывает.

Стоп... Стоп.

Делаю глоток чая из кружки. Оборачиваюсь. Ася поспешно, закрепляет край простыни над грудью.

Белье не сняла. По плечам - бретельки. Я собственно и не ждал, что снимет. Девочка стеснительная...

Открываю дверь парилки. Прихватываю со стены веник.

- Пойдём.

Глядя на то, как движутся её бёдра под простыней ещё раз прикасаюсь к скуле.

Аришу - ладно. Меня зачем?

Догоняя, придерживаю за талию, притягивая спиной к себе. Пискнув, сжимается. А у меня мурашки по затылку от этого касания телами.

- Что за беспредел на моей скуле, м, Синичка? - шепчу ей в ушко.

Выкручиваясь из моих рук, пятится, с возмущением глядя на меня.

- Потому что мне показалось, что Вы нормальный! А Вы - злой! Так что - не считается!

Надменно вздергивает подбородок.

- Можете стирать!

Ухмыляясь, ловлю её, сжимая в кулак простынь на груди.
Дёргаю к себе от стенки печи.

- Обожжешься.

Ааа... Фак! Как же меня ломает от её близости в этом сомнительном месте. Облизываю моментально пересохшие губы, закрывая на мгновение глаза. И едва удерживаю себя от порыва впечатать её в стену. И...

- Отпустите.

Глядя ей в глаза, сдергиваю простынь.

- Что Вы делаете? - прикрывает себя руками, обнимая за плечи.

- Сейчас буду бить, - демонстрирую веник. - Я же злой.

Расстилаю её простыню на настил.

- Добро пожаловать в пытошную!

Ася

Что ж так жарко? Воздух обжигает рот при дыхании.

Пытаюсь себя настроить, что я в купальнике, чтобы не провалиться сквозь деревянный пол от нескромных взглядов Питбуля. А взгляды такие нескромные, что я не могу дышать равномерно, путаясь во вдохах и выдохах.

Это наверх надо, да? Никогда не была в бане. Встаю на лавочку, как на ступеньку и присаживаюсь, вспоминая из фильмов, как выглядит эта банная процедура.

- На живот ложись.

Эх, ладно... Заболеть мне сейчас и правда последнее дело.

Послушно ложусь вытягиваясь на простыне. Надеюсь, это не больно.

Касьянов опускает веник в красивое деревянное ведёрко. Запах в бане меняется. Насыщенно пахнет веником.

Мой взгляд прилипает к мощным плечам Питбуля. Кожа лоснится от жара, мышцы под ней двигаются.

Прогибает спину, хрустнув позвонками. Спина у него как у атлета, треугольником и каждая мышца прорисована, хоть анатомию изучай. За такой спиной стоя, можно ничего не бояться, наверное. Ох...

Разворачивается, брызгая веником на угли. Всё шипит.

- Жарко... - жалуюсь я.

- Да, перестань, баня едва нагрелась.

Выливает ковш воды на раскалённые угли. Резкое шипение и всё обволакивает паром. Ноздри горят. Меня обжигает со всех сторон!

В панике пишу.

- Терпи, Синичка! - горячий веник внезапно ложится мне на плечи.

Задохнувшись, сжимаюсь. Но он не бьёт, только слегка двигается по спине вниз. Это неожиданно приятно. Получаю несколько лёгких шлепков по спине. Не больно!

Растекаюсь, как желе на солнышке, закрывая глаза. Неожиданно прилетает чувствительно по ягодицам.

Дергаясь, возмущено поднимаюсь на локтях. Но Питбуль властно припечатывает меня ладонью обратно.

- Это тебе за капроновые колготки в декабре.

Ещё один удар.

- За короткие шубки!

Ещё!

- За побеги с голыми ногами... - лупит меня. - За украденные деньги.

- Я одолжила! - возмущённо поднимаюсь опять.

Но снова оказываюсь втрамбованной в доски.

- Нет, за деньги тебе, пожалуй, вот это...

Сверху на меня выливается ледяная вода. С визгом, пытаюсь вырваться.

- Лежать! - рявкает он кровожадно.

Раскалённый веник уже опять пляшет по моему телу.

- Потому что за деньги тебе, дуре, в следующий раз может такое прилететь, что никогда не рассчитаешься! Даже за небольшие. И ты доиграешься...

Меня снова окутывает раскалённым паром.

- Не могу больше! - верещу я.

- На спину, - властно.

Переворачиваюсь, закрывая ладонями лицо. Горячий веник ложится мне на живот. В глазах темнеет.

- Руки убери.

Не открывая глаз, настороженно опускаю их вниз.

На лоб ложится ледяная мокрая ладонь.

Оооо... Это божественное ощущение. Проходится по лицу, смачивая мои губы. Исчезает и снова возвращается, ложась уже на шею и немного остужая меня.

Я снова расплываюсь от контраста жара и холода. Касьянов продолжает измываться с паром и веником. Сил нет ни на сопротивление, ни на жалобы. Я улетаю в ощущения, и мне даже, кажется, начинает нравиться это издевательство. До момента, пока опять не прилетает ушат ледяной воды сверху.

- Господи! - вскрикиваю, сжимаясь. - Хватит! Согрелась я!

Бережно удерживает за шею, не позволяя подняться, делая вид, что придушивает.

- Я только начал, - вкрадчиво.

Закрываюсь от него крест-накрест. От этого взгляда и голоса.

Протискиваясь своими пальцами между моими, пленяет одну мою руку, следом вторую. Сжимает их в замок и отводит вверх, раскрывая меня. Рефлекторно сжимаю бедра от его раздевающего взгляда мне в глаза. Мне кажется, что ещё мгновение и... Точно, дура! Поцелует он тебя, как же. Сказал же – неинтересная я. Грубиян! Это, конечно, обижает... Но что поделать? Так ведь даже лучше?

Облизывает свои губы, тяжело сглатывая. А мне кажется, я чувствую их вкус, и они такие же солёные, как у меня.

После очередной порции избиения веником и ледяного

душа, мои глаза закатываются.

- Оо... Ну что ж ты слабенькая-то такая? - стягивает меня сверху. - Иди сюда.

Оказываюсь у него на руках. Ставит на ноги. Пошатнувшись, ищу руками опору. Прижимает к себе. От соприкосновения наших практически обнажённых тел, выпадаю из реальности окончательно. Я никогда не касалась так с мужчиной. Он большой такой, рельефный... Мой взгляд скользит по линии его челюсти. И приоткрытые губы так близко опять...

Я ничего не соображаю, хватаясь за его плечи, чтобы не рухнуть. Колени совсем не держат. Делает пару шагов, увлекая меня за собой под ведёрко, висящее под потолком. И только когда он дёргает за шнур, я соображаю, что на нас сейчас снова обрушится жидкий лёд!

Вскрикивая, рефлексивно вжимаюсь в него, чтобы избежать пытки.

В его голубых глазах всё расплавленно и отражается пламя. Вода льётся по нашим телам, его губам... Я замороженно смотрю на них, плавая на грани потери сознания. И, видимо, я его теряю. А дальше меня глючит, что он прижимается своими губами к моим.

Меня кружит... Колени окончательно подкашиваются. Я словно ныряю под толщу воды, звуки отдаляются... Перед глазами точки пляшут. Подлетаю вверх!

- Ой... - с досадой. - Неправильная ты, Синичка, царица,

- слышу откуда-то издалека его приглушённый голос. - Очнуться должна была, а не в обморок грохнуться! Сказки что ли не читала....

И куда-то лечу... лечу... лечу...

Свернувшись под простыней и пледом за моей спиной сопит Снегурка. Чаю глотнула и вырубилась. На лбу мокрое полотенце. Перегрелась немножко. Снегурочки, оказывается, существа не теплостойкие.

Ощущаю, как её спина прижимается ко мне сзади. Софа маленькая... Мне приятно и больно от этого уютного ощущения. Я по нему скучаю.

Нахрен я её поцеловал вообще? Спонтанно вышло! Не поймал эмоцию.

Охренительно ты целуешься, опер. Жена сбежала, Синица в обморок грохнулась. Прямо вдохновляет!

Но мне, собственно, плевать, кого там что не вдохновляет. Потому что поцелуи - это то немногое, что осталось в моей интимной реальности актуальным. Я их чувствую. А случаются они у меня ещё реже, чем сам интим. Не с каждой этого хочется. А с Синичкой - очень. Как магнитом притянуло, сообразить ничего не успел!

Когда со мной последний раз такие поцелуи случались? В школе, может...

Дочка спит на диванчике ближе к выходу. Там попрохладнее немного.

Мы с Герой продолжаем банкет вдвоём. Он периодически залипает взглядом за моей спиной.

- Что делать с ней будешь?

- Я не знаю... - чокаемся кружками с травяным чаем.

Спиртное в бане мы не уважаем.

- Если вписаться за неё не планируешь, я могу её серьёзному мужику сосватать. Выкупит.

От этой мысли меня накрывает так, что передёргивает от отвращения.

- Выкупит, конечно. А дальше что?

- Ну что? - разводит он руками. - Обижать не будет. Адекватный. Всё лучше, чем сесть ни за что при таком раскладе. А так обеспечит её. Позаботится. Ну будет же у неё мужчина всё равно, почему не он?

Потому что, мля...

- Лучше, чем надзиратели, согласись. Не пройдут же они мимо такой конфеты.

Морщась ставлю чай на стол.

- Впишусь я. Вывезти бы только эту войну. Лобов пакостный мужик.

- Со службы вылетишь.

- Может быть...

Глупо не учитывать такой расклад. Но я попробую и рыбку съесть, и косточки сдать. У меня несколько людей тротилом против Лобова заряжены.

Нет сил больше в глаза Арише смотреть. Как щенок бро-

шенный ждёт. Через день вспоминает. А постарше станет - начнёт еще неудобнее вопросы задавать. Там дедом Морозом не отмахаешься.

Правда Снегурка только временно эту проблему решит. А в перспективе - только усугубит.

Но дальше будет видно, мне сейчас надо что-то сделать. А её мать уговаривать вернуться я не могу. Не могу и всё! Мерзко. Лучше на первой встречной жениться, чем эту обратно...

- Так и что?

- Она мне очень нужна, понимаешь?

- Для Ариши?

- Да. Пусть лучше так, чем телом за свободу платить. Я, конечно, ей звёзд с неба не сорву. Но...

- Ой, ладно, мент! Мне не рассказывай... - жадно облизывает нижнюю губу. - Про деловые и платонические отношения с юными девицами. Всё ж видно невооружённым глазом. Признай очевидное.

А вот не хочу!

- Показалось тебе, бандит.

- В зеркало на себя посмотри. У тебя ж стойка, Дан, - ржет надо мной. - Ломает!

- У меня перманентная "стойка". И каждый день ломает.

- Женщин полно, зачем обламываться, не понимаю.

Морщусь, отрицательно качая головой.

- Это из-за гипестезии твоей?

Киваю.

- Ну ты же... функционируешь? - играет бровями, стреляя взглядом пониже пояса.

- Да. Но есть свои детали.

- Дай угадаю: стимулы нужны мощнее, да, чтобы тебе по кайфу было?

- Типа того. На физиологии я далеко не уезжаю, мне эмоции подавай. Такая вот я теперь капризная скотина. Без них вообще ни кайфа, ни смысла. А эмоции зверь редкий...

- Да-а-а... И давно у тебя... "эмоций" не было?

- Очень. А всё остальное вообще не в счёт. Хотя всю ночь "упражняйся".

- И лечения нет?

- Есть. Экспериментальное. Химический электрошок, например.

- Воу! - морщится Гера.

- Ага. В Москве, профессор один занимается. Но это мне надо Аришу на месяц-два кому-то вручить и в стационар лечь. А там ещё такие побочки бывают, что трындец... Короче, как-то так.

- Нельзя ж так жить, - отрицательно качает головой.

- Видишь, живу.

- А бывшая из-за этого сбежала?

- И да, и нет. Ладно. Проехали пока.

Ася вертится, разворачиваясь, и во сне прижимаясь ко мне ещё сильнее. Убираю со лба полотенце.

- На Марину твою похожа. Только та лиса, а эта зайка.

- Не похожа она. Шубка только эта дурацкая...

Гера обходит диванчик, на котором мы расположились. В зеркало вижу, как кладёт предплечья на спинку, смотрит на Асю.

Хочется развернуться и прикрыть её плечо. Но я держу себя на месте. Я ревнив до ядерных взрывов, но это не моя женщина, чтобы сходить с ума. Дотягивается до её лица, пальцами убирая с него прядь волос.

- Малышка... - улыбается.

Меня обваривает изнутри собственническим кипятком.

- Эй! - разворачиваюсь, перехватывая его руку и заламывая её. - Не надо её трогать.

- Ау! Тихо, мент, ты чо?! - фыркает от боли и смеха.

Ну, супер! Руку ему еще сломай. Полетела моя кукуха в прекрасное далеко.

Гера ухмыляется. Отпускаю его.

- Извини.

- Я же не под юбку ей лезу, чего бесишься?

- Зачем спящую трогать?

- Ясно всё с тобой... Нашёл свои эмоции?

О, фак...А ведь, прав. Прёт меня по-полной! Я конечно мечтал, но... Чего такой сложный вариант то, а?

Глава 5 - Принцесса и людоед

Ася

- Просыпайся, Синичка.

Просыпаться - сил нет никаких. Глаза не разлипаются. Тепло ломит от усталости.

- Минуточку... - бормочу я.

Мне снится, что я маленькая, а будит меня то ли дедушка, то ли бабушка, чтобы отвести в детский сад.

- Давай-давай... - мягко треплет меня.

- Можно, я дома останусь? - прячусь с головой под одеяло.

- Хм...

- Да оставь ты её, пусть выспится здесь.

- Ну, конечно! - агрессивно и повышая голос.

Испуганно подскакиваю, вдруг сообразив, что я не дома и давно не маленькая. А в бельё тут валяюсь, в бане с двумя мужчинами.

Хлопаю растерянно глазами, натягивая простыню повыше.

Я уснула! Как я могла уснуть в этой сомнительной компании?! Мент и бандит. Супер!

За окном всё ещё темно.

- Отвернитесь, пожалуйста. Я оденусь.

- Вот держи, - протягивает мне Касьянов пушистый ли-

монный халат. - Не новый, но чистый. А вещи твои мокрые, Ася.

- А я прямо в нём в СИЗО поеду? - сжимается, всё внутри от страха и неопределённости. - Может, спортивные штаны есть?

- Какое СИЗО? - раздражённо. - Спать домой пойдём.

- А Булочка где? - оглядываю предбанник. - Мм... Ариша, - поправляюсь я.

- А Аришу я уже домой унёс.

Касьянов разговаривает в дверях с Герой. Я быстренько натягиваю тёплый халат и сапоги. Без своих вещей чувствую себя ужасно. Ещё более беспомощной. Несу свои вещи на одной руке, за вторую меня ведёт Питбуль.

- Будет обижать, я тебя выкраду! - шепотом шутит Гера, подмигивая мне.

Вцепляюсь в большую ладонь Питбуля покрепче. Этот как-то уже надёжнее. Я с ним, как минимум, в бане парилась!

Касьянов стреляет в Геру недовольным взглядом.

- Спасибо за баньку, бандит.

- Всегда тебе рад, если ты не по работе.

Касьянов забирает из моей руки шубу, накидывает мне её на плечи.

- Горло не болит?

- Нет...

Неожиданно дёргает меня ближе, впечатываясь губами мне в лоб. Словно проверяет не лихорадит ли. И, не коммен-

тируя, молча тащит за руку дальше, к своим воротам.

- Ну куда я в халате побегу? Отпустите... - едва размыкая веки, плетусь за ним.

Открывает дверь, я делаю шаг во двор.

- Дан! - окликает Гера. - Ключи от тачки забыл.

Оставляя меня, идёт обратно. А я в ужасе разворачиваюсь, вспоминая про собак! Навострив уши оба пса синхронно склоняют головы, внимательно наблюдая за мной. Один оскаливается, подергивая верхней губой. Низкое утробное рычание...

Волосы по моему телу встают дыбом от животного ужаса. Дверь дома неожиданно открывается. Там Булочка!

- Папа! - пищит она сонно.

Рыкнув, собаки срываются к ней! И я обмираю от страха от стремительности этих массивных туш.

- Фу! - с криком бросаюсь следом за ними.

Шубка слетает с плеч.

Одна из псин сбивает Булочку с ног. И в моих глазах окончательно темнеет.

- Пошли вон! - врезаюсь в месиво из чёрных тел в темноте.

С грозным рычанием одна разворачивается и, гавкая мне в лицо, встаёт за задние лапы заваливая меня в снег.

- Фу! - грозно рывкает Касьянов.

Собаки отлетают в сторону, одна пробегается по моему животу. Задохнувшись, вскрикиваю от боли.

- Мать твою так! - ругает меня на чем свет стоит Питбуль.

- Безголовая! Совсем уже?... Чувство самосохранения есть у тебя, полоумная?! Я чуть не поседел, мля!

Выдергивает за грудки вверх.

- Б-б-булочка... - заикаюсь я.

- Да что они ей сделают?! - рывкает мне в лицо. - Она хозайка им. А ты - кто?!

- Откуда я знаю, кто тут кому что... - заплетающимся языком лепечу я, не чувствуя от испуга ни рук, ни ног.

Осёкшись, замолкает. Тяжело громко дышит, глядя мне в глаза.

- Это же... рефлекс! – оправдываюсь я.

- Рефлекс у неё... - ворча, надевает на меня обратно капюшон.- Откуда бы им взяться, таким рефлексам?

- Так... ребенок же!

Псы спрятались за спину Ариши. И на нас виновато смотрят три пары глаз.

- Так... - вздыхает он растерянно, протирая ладонями лицо. - Так... Выпросил, твою мать...

Подхватывает на руки, проносит над собаками, пытающимися вилять обрубками своих хвостов. Рефлекторно поджимаю ноги.

- Ты так до свадьбы-то не доживешь, Синичкина. Надо же немного соображать! Тебя ж каждые три часа спасать надо!

Ставит на ноги в прихожей.

- Ариша!

Пошептавшись с собаками, Булочка закрывает дверь.

- Иди спать, Ариш.

- Неть, - преданно смотрит мне в глаза.

Сердце от адреналина так колотится, что мне кажется, я пьяная. Булочка, берёт меня за руку и ведёт в какую-то комнату. Это спальня. Двухспальная огромная кровать. Тяжёлые шторы. На стене плазма. А дальше красивый женский трельяж. Напротив него - картина. Там цветы. Такую картину выбрала бы только женщина.

Неловко замираю. Это спальня Питбуля и мамы Булочки. Да. Оборачиваюсь, он стоит в дверях. Ему тоже неловко.

Ариша стягивает на пол покрывало. Подталкивает меня к кровати.

- Я с вами буду!

Трогаю руками халат. Снег растаял на нём...

Касьянов отодвигает дверцу шкафа, достаёт футболку. Кидает мне.

- Ложитесь, чего уж.

Сам проходит глубже, встает у окна. Отодвигая штору, смотрит на улицу, поигрывая нервно мышцами на плечах. Я быстренько переодеваюсь и ныряю под одеяло.

Закрываю глаза, решая пользоваться всеми радостями жизни, пока меня не упекли за решетку. И поспать на этой мягкой постели, которая пахнет Касьяновым. Приятно пахнет...

Булочка залезает посередине, уютно устраиваясь у меня под боком. Натягиваю пышное пуховое одеяло повыше. Как

же хорошо... Всю жизнь бы здесь спала! Засыпая, мурлыкаю тихо от удовольствия. От запахов кружится голова.

Сквозь дрёму чувствую, как ложится Касьянов. Булочка неожиданно подскакивает на колени между нами. Распахиваю с тревогой глаза.

- Целуйтесь! - требовательно сжимает пухленькие ладошки, словно прижимает нас друг к другу лицами. - Целуйтесь!! Быстрее. Немедленно!

Не моргая смотрим с ним друг другу в глаза. Облизывая губы, он опасно прищуривается.

- Эй... Эй... - насторожено пытаюсь отстраниться подальше.

Сгребая на груди мою футболку, приподнимается на локте и...

Богдан

Замираю возле её губ.

- Нельзя же быть таким каблуком! - распахнув возмущённо глаза, тихо шепчет мне в губы Синичка.

Можно! Если хочется самому. А мне хочется... Но судя по опасному взгляду Синички, я сейчас выхвачу по лицу.

- Спокойно.

Смещаюсь чуть выше, касаюсь губами скулы. Ты же меня целовала. Лови ответочку.

- Теперь все спать.

- Сказку... - сонно просит Ариша.

- "Погода была ужасная... - сонно напевает Ася. - Принцесса была прекрасная... "

Замолкает.

Дочка требовательно толкает меня в бедро пяткой.

- "Днём, во втором часу, заблудилась принцесса в лесу", - на автомате шепчу всплывающие строки.

- Дальше не помню. Про людоеда что-то было.

Вспоминаю, как Кора заваливает эту дурёху в снег, клацая над ней челюстями. Это ж надо... Понеслась Аришу спасать. Не каждый бы мужик против двух собак осмелился с голыми руками. Вот тебе и Синичка.

Хорошая девочка... Жаль - слишком юная. Была бы по-старше, я бы, может, и правда посерьезней о чем подумал. А так... Только Арише в подружки-игрушки.

Ариша крутится, ложится поперёк. Во сне толкает меня ногами в живот. Перекладываю. Открывается и, не просыпаясь, трясется от холода. В моей комнате всегда прохладно. На ощупь укрываю одеялом. Теряется под ним с головой и ворочается от нехватки кислорода. Открываю. Снова разворачивается поперек, стягивая с нас одеяло и пинается.

Отворачиваюсь от неё. Прилетает "двоечка" пятками по почке.

Ну ё-моё!... Поспать не даст.

Заставляю себя подняться и уношу её в детскую.

Вернувшись, сажусь на кровать, щелкаю ночником.

Синичка равномерно дышит. Пушистые ресницы подра-

гивают. Губы приоткрыты.

"Принцесса была прекрасная"...

В этой кровати больше года никого не было. Где-то как-то - было. Здесь – нет.

Стараясь не разбудить её, ложусь обратно под одеяло. Мои пальцы натыкаются на её пальчики. Сердце ворочается в груди, пульс ускоряется. Едва касаясь, глажу мягкий бархат ладони.

Мне много чего хочется. Но, больше очевидного, хочется обнять её и уютно, спокойно поспать под этим пуховым одеялом. Словно мы - целое. Такие вот эротические фантазии у Питбулей.

Не только такие, конечно. Но есть навязчивые. Которые хрен с кем реализуешь.

Закрываю глаза. И моё тело во сне решает воплотить эту блажь. Ощущаю теплоту и хрупкость её тела. И будоражащий тонкий запах.

Кайф...

Запах, вкус тела - это теперь из разряда фетишей. Это отчасти заменило прикосновения. И

её запах - вставляет!

Спи теперь, Касьянов.

Легко сказать...

Дыхание ускоряется, губами чувствую мягкое ушко. Рефлекторно сжимаю её крепче, впечатывая в себя чувствительнее. И в какой-то момент понимаю, что... не хочу тормо-

зить себя. Хочу вот так спонтанно взять её сонную. И только от мысли, что могу, меня окатывает оглушающей волной тестостерона. Сжимаю губами дужку ушка, чувствуя, как выгибается с тихим стоном и вертится в моих руках. Чуть ниже ушка, в шею впиваюсь губами, веду по коже языком. Вкус - "моё"!

Давление подскакивает, выстреливая фейерверками под черепной коробкой.

Девчонка сонно мурлыкает...

Ничего больше не соображая, распинаю под собой лицом вниз. И впиваюсь ласково зубами в шею, под линией волос.

Взвизгнув, выкручивается, отлетая от меня подальше. Сдернув с тумбочки электронные часы с угрозой замахивается. Глазищи горят! Ноздри агрессивно подрагивают.

- Тихо! - раскрываю ладони.

Разбудил фурию?

- Я что-то неприятное сделал? - дёргаю бровью.

- Вы же сказали - "не интересуешь"! - зло. - Как там? Как женщина!

- Ну какая ты женщина? - ухмыляюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.